
**ИННОВАЦИИ
В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ
ИДЕЙ**

Часть 1

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт фундаментальных и прикладных исследований

ИННОВАЦИИ
В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ

Материалы конференции
Института фундаментальных и прикладных
исследований
Московского гуманитарного университета
16–17 февраля 2012 года

Сборник научных трудов

Часть 1

Издательство Московского гуманитарного университета
2012

Исследования выполнены в соответствии с Планом НИР
Московского гуманитарного университета на 2012 год

*Под редакцией
доктора философских наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вал. А. Лукова,
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вл. А. Лукова*

И66 Инновации в корпусе гуманитарных идей : материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ 16–17 февраля 2012 года. Ч. 1 [Текст] : сб. науч. трудов / под ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова ; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 83 с.

Сборник статей посвящен исследованию инновационных положений и идей, обогативших гуманитарное знание в начале XXI века.

Для исследователей гуманитарных дисциплин, студентов, аспирантов и преподавателей.

© Авторы статей, 2012.

© Московский гуманитарный университет, 2012.

*Вал. А. Луков,
Вл. А. Луков*

ИДЕЯ ТЕЗАУРУСОВ

Идея тезаурусов может быть отнесена к инновациям в корпусе гуманитарных идей. Она сложилась в 1980-е годы, была впервые озвучена на научной конференции в г. Тата (Венгрия), высказана в печати в начале 1990-х годов (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 1992а, 1992b), получила развитие в рамках этого десятилетия (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 1999; Луков Вл. А., 1993, 1994, 1997) и в первой половине следующего (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2004; Луков Вл. А., 2003, 2005). Появились рецензии в научных журналах, изданиях, в которых подтверждалась результативность тезаурусного подхода в различных областях гуманитарных исследований (Болотин, 2009; Евдокименко, 2003; Захаров, 2007; Ищенко, 2009; Камалдинова, Кузнецова, 2007; Костина, 2008а; Кузнецова, 2008; Михальская, 2007; Поляков, 2007; Трыков, 2006). Знаковым событием стало появление фундаментальных исследований (прежде всего диссертаций), в которых все расширяющийся круг ученых применял идею тезаурусов к изучению самых разнообразных объектов (Агранат, 2010; Вершинин, 2003; Есин, 2006; Ламажаа, 2011; Полуэхтова, 2008; Тарасов, 2006).

В 2000-х годах сформировано представление о тезаурусах в двух концентриках, один из которых связан с социологией, социальным проектированием (Доскальчук, 2010; Кочнев, 2011; Лобанов, 2011; Луков С. В., 2006; Сафарян, 2008; Тихомиров, 2010), а другой — с филологией, культурологией, философией культуры (Гайдин, 2009; Иванов, 2010; Подвойская, 2007; Соломатина, 2003). Это же отразилось в учебниках и учебных пособиях для вузов (Кузнецова, Уткин, 2010; Культурология, 2003; Луков Вал. А., 2007; Луков Вл. А., 2003). В то же время в ряде работ, прежде всего в коллективных монографиях и сборниках обнаружилась тенденция к слиянию обозначившихся центров в единое целое (Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке, 2009; Горизонты гуманитарного знания, 2011; Гуманитарное знание, 2006; Гуманитарные константы, 2008).

Итогом всей проделанной работы стала фундаментальная монография «Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания», которая была подготовлена в ИГИ МосГУ (ныне ИФПИ) и вышла в издательстве Национального института бизнеса в 2008 г. (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008). Она представляет собой наиболее полное и обоб-

ценное изложение тезаурусной концепции гуманитарного знания, лежащей в основе субъектно ориентированных направлений исследований в области социальной философии, культурологии, социологии, антропологии, филологии, а также таких прикладных областей деятельности, как социальное и социокультурное проектирование, дизайн, гуманитарная экспертиза.

В дальнейшем идея тезаурусов развивалась в различных аспектах, что отразилось в конференциях и сборниках «Тезаурусный анализ мировой культуры» (Тезаурусный анализ мировой культуры, 2005–2011), работах последних лет (Вершинин, 2011; Захаров, 2008; Костина, 2008b; Луков Вал. А., 2009, 2012; Луков Вл. А., 2006, 2008, 2011a, 2011b).

Идея тезауруса вытекает из современного состояния гуманитарного знания. Гуманитарные науки все более субъективизируются и отдаляются от идеала науки как объективного знания. Субъективизация современной науки — не просто дань времени, но и естественное следствие развития культуры. Разумеется, это не означает утери требований научности, пути к субъективизму. Речь идет о постановке человека в центр научных исследований даже там, где еще недавно приоритет имели макросистемы и макротенденции.

Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе. Осознание этого находит отражение в теориях, возникших в XX веке в рамках развития целого ряда гуманитарных наук — философии (в ее научной ипостаси), социологии, филологии, антропологии, истории, психологии, культурологии и др. В тезаурусном подходе видится полифункциональный, методологически эвристичный для гуманитарных наук способ исследования в новых условиях развития гуманитарного знания в начале XXI века. Субъектность такого знания проявлена в представлении о культурном *тезаурусе*, в наиболее общем виде культурологический смысл которого связывается со структурированным представлением и общим образом той части мировой культуры, которую может освоить и творчески преобразовать субъект.

Слово «тезаурус» (от греч. сокровище, сокровищница) выступает как термин в ряде наук, в лингвистике он означает не то, что в информатике, в науках о культуре и обществе. Для становления понимания тезауруса, специфичного для общегуманитарного тезаурусного подхода, имели значение концепция «чужака» в социологии Г. Зиммеля, А. Шюца, Р. Парка, идея социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, идея габитуса П. Бурдьё, идея фреймов И. Гофмана, идея

структуризации и социальных практик Э. Гидденса, идея человеичника А. А. Зиновьева, идея взаимодействия компонентов функциональных систем П. К. Анохина. Каждая из представленных концепций в той или иной мере близка тезаурусному подходу. Все они в той или иной мере близки между собой. Их отличает преимущественно теоретико-методологическая рамка.

В действительности, в силу своей концептуальности, они находятся на границе науки и философии, науки и этики, науки и художественного освоения действительности (художественной литературы прежде всего), что и позволяет применять их при осмыслении свойств, форм и результатов не только научного знания, но других знаниевых систем, которые в совокупности и составляют гуманитарное знание. В современном пост-постмодернистском гуманитарном знании, в которое возвращается его конструктивность и системность, все же границы между науками потеряли значение отстаиваемых рубежей, разворачивается параллельный поиск основных смыслов и способов реализации социальности и культурной соотнесенности человека. Многообразие близко стоящих теорий здесь совершенно не помеха: они дополняют друг друга и в своей совокупности порождают дальнейшее развитие теорий человека, культуры, общества. В этом ключе мы рассматриваем и близость тезаурусной концепции к изложенным теориям.

При определении тезауруса следует учесть, что он имеет черты функциональной системы и обеспечивает в кооперации (взаимосодействии) с другими подсистемами жизнеспособность социального субъекта (от личности до человечества в целом), отражая иерархию его представлений о мире. Тезаурус — форма существования гуманитарного знания, он в слове и образе воспроизводит часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой). *«В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание»* (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 67).

Существуют отчетливые гендерные различия между «мужским» и «женским» тезаурусами, есть и тезаурусные различия, связанные с проблемой возраста. На тезаурусы периода молодости не могут не влиять

определенные психологические черты, свойственные молодым людям и отличающие их от представителей старших возрастных групп. Это, в частности, относится к характеристикам восприятия, внимания, памяти. Символический и предметный мир молодежи также отражает множественность и специфику наложения разных тезаурусных генерализаций. Собственно, те же черты свойственны тезаурусам на более зрелых возрастных стадиях человека, кроме самой возможности в норме сочетать несколько тезаурусных генерализаций. Тезаурус наконец как бы окостеневает, приобретает высокую степень устойчивости. Конечно, и в зрелом возрасте в силу определенных жизненных обстоятельств человек может подвергнуть свой тезаурус коренной ломке. Но это всегда процесс сложный, болезненный и в чем-то малоперспективный.

Поскольку тезаурус представляет собой накопленное знание, он по необходимости не может сохраняться в своих объемных характеристиках, он все время, ежедневно и ежечасно пополняется новыми наблюдениями, сведениями, оценками. Тем не менее само обновление знаниевого материала, а в конечном счете и характера его освоения и переконструирования субъектом не является непредсказуемым. Предсказуемость тезауруса формируют не только пол, возраст, но и стиль жизни, совокупность социальных статусов и ролей, которая характеризует субъекта, будь то индивид или социальная общность. Выясняется, что тезаурус — вовсе не только адаптационный инструмент в поведении индивида. Ориентация в окружающей среде — активная поведенческая стратегия, позволяющая переструктурировать эту среду или даже сменить ее на другую, более соответствующую ожиданиям субъекта, его жизненным идеалам и целям, сформированной им картине мира — системе культурных констант тезауруса, выработанной в ходе социализации личности. Картина мира и есть ядро тезауруса — его наиболее устойчивая часть, определяющая отнесение информации к зонам «свое», «чужое», «чуждое».

Тезаурусная интерпретация действительности в форме картины мира представляется неким обобщением, более или менее осознанным и составляющим принципиальный ориентир в жизненных ситуациях, которые в такой обобщенной форме не обладают индивидуальными чертами. Тем не менее это не значит, что тезаурус не обладает свойством проявляться в конкретных микро- и макросоциальных ситуациях. В этом плане заслуживает внимания тезаурусная интерпретация события, которое представляет собой любую социальную связь в ее конкретной форме, то есть возникшую в силу стечения определенных обстоятельств в

определенное время и в определенном месте. В этом значении событие утрачивает атрибут экстраординарности, оно не обязательно — поворотный момент в судьбе. Повседневность может быть заполнена событиями, ее даже можно представить как череду событий, но именно тогда, когда мы перестаем видеть в событии момент напряжения высших качеств человека, общества, пик борьбы добра и зла. На этом положении основана концепция ко-биографии (сплав биографий, образующаяся на период некоторого события единая биография ближайшего социального круга как нераздельной целостности). При разработке концепции ко-биографии проявляется, что на относительно нейтральном фоне возможно успешное изучение и целой группы взаимосвязанных жизненных путей, например, в рамках биографии семей, но здесь на переднем плане оказывается процесс передачи социальных эстафет и способ обобщения строится на генерализации семьи: это именно биография семьи, а не членов одной семьи. Повседневность, реализуемая в непроблематичном социальном поведении, скрывает более глубокие связи жизненных путей близких людей, которые могут быть раскрыты в ко-биографии.

От события следует отличать ситуацию — модель события, его конструкцию. Здесь возникает возможность разделить повторяемое и уникальное в событии: повторяется не событие, а ситуация. Событие возникает и существует как целостность. Это своего рода перекресток множества факторов и условий, образующих на некоторое время и в некоторой локальной ограниченности относительно устойчивый комплекс, обладающий некоторыми атрибутивными качествами, что позволяет отделить данное событие от других и присвоить ему имя. Здесь и возникает возможность понимания события в свете тезаурусной концепции. И событие, и тезаурус выступают как целостности, что в исследовательском плане ставит их в одну плоскость и требует принципиального сходства в способах изучения и в осмыслении. В онтологическом плане тезаурус отвечает на вызовы и риски жизни как постоянной смене событий. С точки зрения тезаурусного подхода, мы рассматриваем событие как актуализацию смыслов (или, что то же самое, — взаимодействие смыслов). Смыслы, координация которых поддерживается тезаурусом, актуализируются, являют себя в определенном действии, резонируя или сталкиваясь с другими (координированными иными тезаурусами) смыслами, что и создает событие. Далее оно — уже как связка смыслов, уже как известная целостность — оказывается включенным в тезаурус и занимает в нем ту или иную позицию. Структурирование тезауруса как общности (или иначе — единства) рассеянных событий позволяет отой-

ти от принятой логики понятийной иерархии, которая навязывает исследуемому объекту однозначность и непротиворечивость там, где как раз есть не только неоднозначность, не только противоречивость, но и бесконечная смена становящихся и разрушающихся смыслов. Противоречивость и многозначность не устраняются искусственно. Кроме того, структурирование через событийность более естественно для трактовки социальной реальности в целом, а тем более ее проявлений там, где интериоризируемые социальные структуры еще не отвердели.

Элементами тезауруса, существенными для его структуры, выступают: концепты (выражаемые в знаках сращения смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа), стереотипы (штампы, клише, инструмент минимизации познавательных усилий), культурные константы (наиболее устойчивые концепты), вечные образы (инвариантный арсенал художественного дискурса). В тезаурусе отношения между элементами строятся не на логической связи, а на связи ценностной. Роль ценностных факторов в социальной и культурной жизни во многом определяющая. И главное — ценности обладают принудительным действием, которое вытекает из их нормативного содержания. Иначе говоря, при помощи ценностей поведение людей вводится в рамки определенных социальных устоев, подчиняется общим правилам коллективной жизни, культурным образцам. Исследование ценностей как таковых вряд ли оправдано, если мы не учитываем характера ценностных ориентаций. Под ценностными ориентациями мы понимаем направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благими, правильными, высокими и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выражаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматически активных действий субъекта по их достижению в реальной действительности.

Специфика ценностного отношения состоит в том, что концепт (ядро ценности) подобно магниту притягивает одни смыслы и отталкивает другие, образуя смысловое гнездо. Тезаурусная концепция утверждает, что, во-первых, структурирующим принципом выступает дихотомическое различие *своего* и *чужого*; во-вторых, и *свое*, и *чужое* обладают протяженностью и разной интенсивностью: это своего рода зо-

ны, концентрические круги вокруг субъекта, одни из которых ближе, другие дальше от центра и в этом отношении — *более-свои* и *менее-свои* (соответственно *менее-чужие* и *более-чужие*); в-третьих, в тезаурус встроен защитный механизм от информации, основанной на антиценностях (для субъекта): она воспринимается субъектом как *чуждая* и если и пересекает границу тезауруса, то только в форме ее критики. Таким образом, внутри тезауруса действует дифференцирующий принцип *свое-чужое*, если же рассматривать тезаурус в его взаимодействии с другими тезаурусами, то дифференцирующей становится триада *свое-чужое-чуждое*. Так что, можно сказать, *чужое* все-таки до некоторой степени *свое*, то есть может стать *своим* при определенных условиях, в отличие от *чуждого*, которому в данном тезаурусе (тезаурусной генерализации) места нет. Тезаурус, возникнув в своем носителе, обретает свойства интеллектуального, культурного, социального организма и, применяя разные стратегии и техники, защитные механизмы, блокирует, или реформирует, или исключает нежелательную для его целостности информацию.

В качестве таких механизмов для поддержания *своего* в работе выступают: идентификации (совокупность процессов обретения личностью характеризующих ее идентичностей), ингрупповой фаворитизм (совокупность сходных социальных и культурных процессов, обеспечивающих групповую сплоченность), управление впечатлениями (идея И. Гофмана: человек стремится, решая любые свои задачи, создать о себе благоприятное впечатление у окружающих, в итоге жизнь превращается в актерскую игру). Существуют механизмы отдаления *чуждого* (амбивалентность, индифферентность), а также исключения *чуждого* (дискредитация). Есть специальные элементы структуры тезауруса, осуществляющие защиту его содержания от рисков новой информации, — мембраны (можно типы мембран сопоставить с образами шекспировских трагедий: мембраны Гамлета, Отелло, Лира, Макбета, Дездемоны, Корделии, леди Макбет). Все типы тезаурусной мембраны присутствуют в каждом индивидуальном тезаурусе, но не в одинаковой мере, что позволяет поставить вопрос об акцентуации тезаурусов. Мембраны напоминают представление о цензуре в структуре психического аппарата у Фрейда. Принципиальное отличие тезауруса от фрейдовского психического аппарата заключается не только в том, что тезаурус в известной мере совпадает со сферой сознания, а, как утверждал Фрейд, в основе психического аппарата, лежит сфера бессознательного. Тезаурус — характеристика субъекта, а под субъектом тезаурусный подход понимает и индивидуума, и группу любого масштаба. Концепция мембран применима и к коллективным тезаурусам.

Существенная сторона идеи тезауруса — представление о тезаурусных конструкциях. Наша гипотеза состоит в том, что (1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из наличествующих тезаурусных конструкций или их элементов; (2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (то есть степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусных генерализаций и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; (3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными и культурными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); (4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы. Возникающая в ходе социализационного процесса комбинация элементов (сведений, моделей поведения, установок, ценностей и т. д.) выстраивается из фрагментов тезаурусов *значимых других*. Эти фрагменты сами несут в себе следы более ранних тезаурусных образований, также воспринятых от значимых других иного поколения. Общая часть тезаурусных фрагментов, из которых, собственно и формируются индивидуальные тезаурусы, мы называем тезаурусными конструкциями, которые можно сравнить с корнями слов, принимающими точное значение в сочетании с другими строительными блоками (с префиксами, аффиксами и т. д.).

Иерархический строй тезауруса (его «топика») с учетом содержания повседневности выстраивается в семиступенчатую «пирамиду тезауруса», где с каждой ступенью, начиная снизу и двигаясь вверх, связывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем, которые решает человек в течение жизни: 1 ступень: проблемы выживания; 2 ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса; 3 ступень: проблемы власти, иерархической организации общества; 4 ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.); 5 ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.; 6 ступень: проблемы теоретического осмысления действительности; 7 ступень: проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания.

Под динамикой тезауруса мы понимаем процесс передвижения информации в тезаурусе с момента его первоначального освоения. В действительности это — процесс, зависящий от множества разнона-

правленных сил и факторов воздействия. Однако в аналитических целях может быть предложен путь, учитывающий иерархический строй тезауруса. С учетом этого будем полагать, что мир входит в сознание человека в определенной последовательности, которую определяет уже сложившаяся структура тезауруса (его «топика»). Центральное место занимает образ самого себя (самоосознание) и другого человека: его внешний вид (телесные признаки — глаза, лицо, строение тела, а также прическа, костюм), поведение, поступки, затем мысли и чувства, образ жизни. От одного человека тезаурус переходит к двум (здесь важными оказываются такие аспекты человеческого существования, как дружба, любовь, спор, вражда, зависть, диалог, общение, отношение «учитель — ученик»). Затем к трем (семья: отец — мать — ребенок) и более (микروгруппа). Осознается ближайшая среда (окружающие вещи, мебель, дом, обозримое природное пространство). Следующие круги тезауруса — свой город или деревня, страна, общество (нация, класс, человечество), общественные отношения и чувства (долг, совесть, свобода, равенство, братство, избранность, отчужденность, одиночество), обучение и воспитание, «свое» и «чужое» (иностранное), история, политика, экономика, техника, наука, мораль, эстетика, религия, философия, человек как микрокосм, макрокосм — вселенная, общие законы мироздания. Со всеми кругами связано художественное восприятие действительности, наиболее проявленное в искусстве. Последовательность элементов, представленную в списке, не следует отождествлять с реальным процессом освоения информации индивидом, ее назначение — не столько в моделировании динамики построения картины мира, сколько в структурировании повседневности при представлении ее в различных контекстах, например, при анализе художественного отражения жизни людей в различные эпохи.

К топике и динамике тезауруса имеет отношение и его энергетика: представление о «силе» и «слабости» определенных видов информации. Иерархический принцип, выявляемый в этих слагаемых структуры тезауруса, имеет и альтернативу — сетевой принцип. Не обязательно во времена тотальной иерархии в социальной жизни будет действовать преимущественно иерархический строй тезаурусов и, напротив, во времена утверждения сетевого общества и в тезаурусах приоритет перейдет к сетям. Нередко происходит как раз наоборот, и во времена «разгула сетей» значительная часть людей закрепляют в своих тезаурусах четкую ценностную иерархию, прежде всего религиозную (исламский фундаментализм, православное праведничество и т. п.). Здесь нет какого-то

одного правила, что совершенно естественно в периоды аномии в обществе и культуре. В конечном счете иерархический строй тезауруса будет в любых социальных и культурных условиях определять удержание и переструктурирование ядра тезауруса — картины мира, а сетевой строй будет обслуживать многообразие интересов субъекта, не препятствуя их ценностной ревизии. На сочетании этих двух принципов строительства тезаурусов и возникают тезаурусные генерализации. В актуальной ситуации работает не весь тезаурус, а тезаурусная генерализация — композиция из концептов, тезаурусных конструкций, эталонных событий и т. п., дающая необходимые импульсы для ориентации в повседневной жизни.

В свете тезаурусного подхода, идеи тезаурусов по-новому предстает характеристика мировой культуры: она не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе. В этом смысле можно говорить о тезаурусе как той части мировой культуры, которую может освоить субъект. Субъектно (тезаурусно) ориентированная культурология призвана изучать закономерности и историю развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства, смены культурных тезаурусов.

Тезаурусному анализу могут быть подвергнуты и существенные проблемы социологии — в частности, проблема социальных общностей. То, что и тезаурусы, и социальные общности образуются вокруг ценностного ядра, позволяет утверждать, что влияние тезаурусов на становление, функционирование и развитие социальных общностей может быть существенным. Справедливо и обратное утверждение: социальная общность существенно воздействует на то, каковы тезаурусы ее участников. Тезаурусный подход дает новые средства для описания и понимания процессов социализации. Этот подход к социализации позволяет, как представляется, преодолеть некоторые противоречия социализационных теорий. Концептуальная сторона этого подхода может быть представлена в следующем виде: (1) Тезаурус — индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро- и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности; (2) Освоение социальности в конечном счете идет по модели разделения «своего» и «чужого» (при сильном влиянии значимых других) и выработки позиции по отношению к определяемым фрагментам общественной жизни по конструкции апрейзеров; (3) Адаптация и интeриоризация как этапы социализационного процесса в аспекте формиро-

вания тезауруса соответствуют последовательности: а) отделение (референция) «чужого» и установление дистанции, приемлемой для отношения к нему, б) переработка «своего» в тезаурусе вплоть до потери осмысленной референции «своего»; (4) Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций; (5) Тезаурусы агентов социализационного процесса способны видоизменять как ход (направленность, фазы, скорость) этого процесса, так и его результативность. Результативность социализации оценивается в соответствии с тезаурусной структурой, характерной для данного общества (сообщества).

В целом можно утверждать, что изучение тезаурусов позволяет лучше понять суть и динамику переходных эпох как сгустков сложных социокультурных процессов, которые смешивают более или менее устойчивые пласты тезаурусов. Имеет место эффект *мерцания смыслов*, который означает, что смыслы, отражающие, выражающие и организующие человеческую жизнь, не уничтожимы, они лишь отдаляются от актуальной ситуации в своеобразные запасники исторической памяти и при подходящем случае вновь обретают активность, становятся легитимными, а нередко и «единственно верными».

В этом ключе получает развитие и тезаурусная концепция социального проектирования, в которой отражен более общий социологический принцип, эффективно применяемый в построении теорий относительно различных сторон и проявлений социальности. Суть принципа — в признании активности субъекта социального действия (или иными словами — социальной субъектности) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы социальной жизни. В самом общем виде социальное проектирование представляет собой конструирование локализованного по месту, времени и ресурсам действия, направленного на достижение социально значимой цели. Сущность социального проектирования — конструирование желаемых состояний будущего. Уникальность жизненных миров и их связанность, различающаяся на разных этажах общественной организации, в том числе имеющая особые формы и способы реализации на уровне повседневности, — это свойства и социальной среды проектирования, и субъекта проектирования. Но здесь нет симметрии участия: прежде всего, создатель проекта не существует вне социальной среды, он несет в себе свойства социальной среды, однако при этом он творчески переструктурирует их, что и дает импульс проекту, нововведению. Среда возбуждает проектирование неудовлетворенной потребностью, но сам проект есть акт творчества не среды, а субъекта проектирования, который,

таким образом, вырастает в центральную фигуру социально-проектной деятельности.

Идея тезаурусов может быть применена и к сфере образования. Образование строится на определенной ценностно-нормативной системе, оно несет новому поколению освоенное старшими поколениями знание в определенной ценностной оболочке, которая включает отбор учебного материала, акценты в нем, которые расставляются авторами учебников и учебных пособий, а в аудитории — преподавателем, организацию определенным образом направленной воспитательной работы как в учебном процессе, так и вне его. Ценностное основание образования делает неуместной постановку вопроса о полноте учебного курса, учебника и других учебных материалов в абстрактно-логической форме. Полнота информации или ее отсутствие в образовательной программе подчиняется ценностному (тезаурусному) принципу.

Образование вносит значительный, иногда решающий вклад в разделение субъектом *своих* и *чужих*, особенно когда это касается профессиональных сообществ. Образовательные программы существенно меняют содержание *своего* и *чужого*, границы между ними и способы защиты от *чуждого*. Они формируют и субъекта, и уже в вузе на старших курсах в массе студентов различимы представители получаемых специальностей. Но еще более значим происходящий переход на новый уровень социальных отношений. Культурные пласты, привнесенные студентом из повседневной жизни и связанные с локальной культурной идентичностью, испытывают вытесняющее их воздействие культурных пластов, связанных с мировым культурным достоянием всех веков и народов.

Тезаурусы, не востребованные сегодня в практической жизни, могут долгое время находиться в тени и воспроизводиться, среди прочего, по каналам образования. Из-за автономности системы образования в ее недрах в той или иной форме живут тезаурусные конструкции, выпавшие из активной общественной жизни. Они могут удерживаться устной традицией и передаваться от учителя к ученику вне административного контроля и огласки, могут передаваться «по наследству» группами сверстников, присутствовать в учебных материалах (в том числе и в виде критики). Не случайно распространение тех или иных общественных и культурных идей связывается с школой, вузом. И даже в метафорическом обозначении форм передачи тезаурусных конструкций мы обнаруживаем ту же ссылку на школу (научная школа, художественная школа и т. п.). Идея тезаурусов связывается и с областью воспитания, где вы-

деляются четыре парадигмы: 1) авторитарного воспитания; 2) природосообразного воспитания; 3) воспитания в коллективе сверстников; 4) индивидуального выживания в обществе риска. Многие примеры показывают, насколько трудно прогнозировать успешность воспитания, как противоречиво могут сочетаться ценности, которых придерживается человек. Здесь и проявляются особенности бытования тезаурусных конструкций, которые строятся на концептах и «общности рассеянных событий», продвигаются к ядру тезауруса и формируют в этом случае картину мира или отодвигаются на периферию, переходя из области *своего* в область *чужого*, а в предельных случаях — и в область *чуждого*.

Тезаурусные конструкции — подобно заготовкам на складе знаний — извлекаются в нужный момент, дорабатываются, пригоняются к другим и начинают новую жизнь, в тезаурусных генерализациях приобретая эмерджентные качества. Формирование тезаурусов и воспитательный процесс, таким образом, оказываются тесно связанными. В конечном счете, это по своему характеру один и тот же процесс, специфику которому придают свойства воспитания (целенаправленность, систематичность и др.), с одной стороны, и свойства тезауруса (иерархичность знаний, дихотомия «своего-чужого» и т. д.), с другой. На перекрестке первого и второго образуется новое качество освоенного знания. Необходимо учесть, что в обществе, а точнее в разных общностях, его составляющих, одновременно находятся фрагменты разных ориентационных комплексов, выражающих основное назначение тезауруса. Некоторые из них видны, что называется, невооруженным глазом, они признаны полезными для человека и общества, их формируют в официальных воспитательных учреждениях и т. д. Другие фрагменты находятся в тени, некоторые просто спят и ждут своего часа, когда они смогут себя проявить открыто. В переходные эпохи на поверхность выходит вся палитра ориентационных комплексов и этим сама ориентация становится крайне неопределенной. Именно тогда оказывается шаткой и система воспитания, которая эффективна в полной мере 1) в обществах с устойчивой ценностно-нормативной системой; 2) в суррогатных условиях стабильности, создаваемых в пределах социальных и культурных общностей разного масштаба и назначения (диаспоры, клубы по интересам, тайные общества и т. п.).

Тезаурусные конструкции как бы живут своей жизнью и могут переноситься сквозь века не непосредственно через каналы преемственности и смены поколений, но через сохранение, ретрансляцию и возрождение (после целых эпох забвения, как нередко бывало) социокультур-

ных кодов. Имеет место, как мы уже замечали, эффект *мерцания смыслов*. Концепция тезауруса как субъектно организованного гуманитарного знания — то есть таким образом организованного, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы, — дает свою трактовку человеческой активности, сближающуюся с рядом философских, социологических, культурологических, антропологических теорий нашего времени, но и отличающуюся от них.

Идея тезаурусов в ходе ее раскрытия позволяет убедиться в том, что для тезаурусов характерны: (1) объективная неполнота по сравнению с многообразием действительности и реальным развитием культуры — и в то же время субъективное ощущение полноты как достаточности для ориентации субъекта в доступном фрагменте природной и социальной реальности и культуры, а также для наращивания потенциала развития субъекта; (2) единство, несмотря на фрагментарность и автономность составляющих тезаурус элементов (концептов, культурных констант и т. д.), которое обеспечивается субъективно (внутренняя логика), в частности на уровне индивида — через единство личности (единство тезауруса соединено прямыми и обратными связями с идентичностями, которые осваивает субъект в многообразном социальном и культурном мире); (3) иерархичность значимого и незначимого, идущая от ценностного строя тезауруса (ядро тезауруса составляет культурная картина мира, которая иерархически выстраивает восприятие мировой культуры и культуры Происходящего (о концепции Происходящего см.: Ильинский, 2006; ее развитие: Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В., 2006), отделяя важное и потому интересное, от неважного и потому неинтересного; (4) главное направление дифференциации знания, осуществляемой управляющими структурами тезауруса, составляет ось «свое — чужое — чуждое», где *свое* и *чужое* находятся в границах тезауруса и различаются прежде всего дистанцией от тезаурусного ядра, а *чуждое* достигает тезауруса, только пройдя через ментальные мембраны, проконтролированное и сопровождаемое ярлыком антиценности; (5) конструирование и переконструирование социальной и культурной реальности: творческое пересоздание, переосмысление информации о действительности и в результате — воздействие на нее, обновление жизненных форм, порождение новых событий (это свойство делает в рамках тезауруса такое представление о реальности, которое совмещает действительное и виртуальное без всякой дистанции и регулируется субъективным определением ситуации); (6) наличие родственных явлений

в разных тезаурусах, что ставит вопрос о генезисе тезаурусов (тезаурусы могут воспроизводить ориентирующие знаниевые комплексы, сложившиеся в других пространственно-временных обстоятельствах, заново актуализируясь после длительных периодов забвения, в этом режиме мерцания тезаурусы неуничтожимы, по крайней мере, их устойчивые черты способны возрождаться через века); (7) действенность, или, иными словами, такая встроенность тезауруса в управление человеческим поведением — и индивидуальным, и групповым, которая обеспечивает выбор стратегий и тактик, целеполагание и достижение целей, изменение действительности (сопряжено с социализацией личности и системами воспитания, а также с развитием социальных общностей и социокультурным проектированием).

Тезаурусная концепция позволяет прояснить пути развития социальной и культурной субъектности и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. В этом направлении прежде всего и будет развиваться теория и практика тезаурусного подхода в гуманитарном знании.

Важнейшее же из ожидаемого видится в том, что тезаурусный подход позволит завершить переход от области гуманитарных наук — культурологии, социологии, психологии, филологии — собственно к гуманитарному знанию, комплексному субъектно ориентированному представлению о мире, человеке и культуре.

Литература:

Агранат Д. Л. (2010) Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010.

Болотин И. С. (2009) Тезаурусы как инструмент преподавателя // Высшее образование в России. № 5. С. 169–172.

Вершинин И. В. (2003) Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры: дис. ... д-ра филол. наук. Самара.

Вершинин И. В. (2011) Труды по изучению предромантизма и романтизма. Самара: ПГСГА ; М. : Социум.

Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке (2009): Монография-доклад. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Гайдин Б. Н. (2009) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»: дис. ... канд. филос. наук. М.

Горизонты гуманитарного знания (2011): В честь 75-летия Игоря Михайловича Ильинского: монография / Вал. А. Луков (рук.), Вл. А. Луков, Б. Г. Юдин, Ч. К. Ламажаа, А. И. Фурсов, Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко, С. В. Луков, Б. А. Ручкин, Ю. Л. Воротников, Б. Н. Гайдин, Н. В. Захаров, В. А. Гневашева, К. Н. Кислицын; под общ. ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М. : ГИТР.

Гуманитарное знание (2006): тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Гуманитарные константы (2008): Материалы конференции ИФПИ МосГУ 16 февраля 2008 года: сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Доскальчук А. В. (2010) Проектирование социально-экономического развития российского города областного подчинения: проблема оптимизации: дис. ... канд. социол. наук. М.

Евдокименко С. Каким может быть учебник (2003) // Высшее образование в России. № 6. С. 169–171.

Есин С. Н. (2006) Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: дис. ... д-ра филол. наук. М.

Захаров Н. В. (2007) Тезаурусный анализ предромантизма // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 221–223.

Захаров Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Иванов А. Н. (2010) Диалог культур России и Швеции (тезаурусный подход): дис. ... канд. культурологии. М.

Ильинский, И. М. (2006) Между Будущим и Прошлым : Социальная философия Происходящего. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Ищенко Ю. А. (2009) Размышления над книгой // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 262–268.

Камалдинова Э. Ш., Кузнецова Т. Ф. (2007) Гуманитарное знание в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 233–235.

Костина А. В. (2008a) Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. №5. С. 102–109.

Костина А. В. (2008b) Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Кочнев С. В. (2011) Социальные практики участия молодежи в принятии общественно значимых решений: дис. ... канд. социол. наук. М.

Кузнецова Т. Ф. (2008) Новое в науке о культуре: Луков Вл. А. Предромантизм: моногр. М. : Наука, 2006 // Вопросы культурологии. №3. С. 4–5.

Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И. (2010) История американской культуры. М. : Человек.

Культурология (2003): История мировой культуры: учебное пособие / Г. С. Кнабе, И. В. Кондаков, Т. Ф. Кузнецова, Вл. А. Луков и др.; под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М. : Издательский центр «Академия».

Ламажаа Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): дис. ... д-ра филос. наук. М.

Лобанов М. В. (2011) Профессиональная социализация молодых сотрудников органов внутренних дел в условиях институциональных трансформаций: дис. ... канд. социол. наук. М.

Луков Вал. А. (2010) Социальное проектирование: учеб. пособие / 9-е изд., испр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та: Флинта.

Луков Вал. А. (2009) К теории социальных общностей; 2-е изд., испр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Луков Вал. А. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (1992a) Концепция курса «Мировая культура». Тезаурологический подход // Педагогическое образование. Вып. 5. М. : Прометей. С. 8–14.

- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (1992b) Всемирная Детская Энциклопедия «Глобус»: концепция. М. : Педагогика-пресс.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (1999) Зигмунд Фрейд: Хроника-хрестоматия. М. : Флинта, Московский психолого-социальный институт.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 93–100.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.
- Луков Вл. А. (1993) Тезаурологический подход к изучению мировой культуры // V Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. М. : МПГУ. С. 3–4.
- Луков Вл. А. (1994) Проблема классики (тезаурологический подход) // VI Пуришевские чтения: Классика в контексте мировой культуры. М. : МПГУ. С. 1–2.
- Луков Вл. А. (1997) Культура Европы XVIII–XX веков (тезаурологический подход) // Научные труды Московского педагогического государственного университета имени В. И. Ленина. Серия: Гуманитарные науки. М. : Прометей. С. 57–62.
- Луков Вл. А. (2003) История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М. : Издательский центр «Академия».
- Луков Вл. А. (2005) Литература: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 136–140.
- Луков Вл. А. (2006) Предромантизм: науч. монография. М. : Наука.
- Луков Вл. А. (2008) Литературные центры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 18–23.
- Луков Вл. А. (2011a) Академик Д. С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы: монография. М. : ГИТР.
- Луков Вл. А. (2011b) История культуры Европы XVIII–XIX веков. М. : ГИТР.
- Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. (2006) Телевидение: формирование «культуры происходящего» // Культурные трансформации в информационном обществе: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. И. Шендрик. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 194–220.
- Луков С. В. (2006) Диалог организационных культур как способ управления персоналом на иностранных коммерческих предприятиях в России: дис. ... канд. социол. наук. М.
- Михальская Н. П. (2007) Вл. А. Луков. Предромантизм. Научная монография. М., 2006 // Филологические науки. №1. С. 124–125.
- Подвойская И. А. (2007) Трансформация концепции жанра в эстетике: тезаурусный подход: дис. ... д-ра философии (PhD) (эстетика). М.
- Полуэхтова И. А. (2008) Социокультурная динамика российской аудитории телевидения: дис. ... доктора социол. наук. М.
- Поляков О. Ю. (2007) Энциклопедия предромантизма (о новой монографии профессора В. А. Лукова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. №2 (17). С. 143–144.
- Сафарян А. В. (2008) Стили жизни молодежи как целевой аудитории телевидения: дис. ... канд. социол. наук. М.
- Соломатина Н. В. (2003) Оскар Уайльд: Создание автомифа и его трансформация в «биографическом жанре»: дис. ... канд. филол. наук. М.
- Тарасов А. Б. (2006) Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого: дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Тезаурусный анализ мировой культуры (2005–2011). Сб. науч. трудов: Вып. 1–22 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Тихомиров Д. А. (2010) Добрачные сексуальные отношения российской молодежи: проблема нормы и отклонения: дис. ... канд. социол. наук. М.

Трыков В. П. (2006) История мировой литературы в одной книге // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 229–230.

Б. Г. Юдин

ИДЕЯ ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ¹

Биоэтический подход к комплексному исследованию человека развивает идею предельной Или пограничной, ситуации. Это понятие носит междисциплинарный характер, оно широко используется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Существуют такие предельные ситуации, когда мы оказываемся на границе между двумя средами. Очевиднейший пример — переход воды из одного агрегатного состояния в другое, скажем, из твердого в жидкое (таяние льда). В термодинамике подобного рода превращения называют фазовыми переходами.

Если рассматривать такой переход без излишней детализации, так сказать, с высоты птичьего полета, то мы различим лишь некоторый скачок — то, что было куском льда, через некоторое время превратится в определенный объем жидкости. Но более пристальный взгляд позволит увидеть немало интересного, того, что с величайшим вниманием и тщательностью изучается во многих областях естествознания (коль скоро речь идет о природных явлениях). Фазовый переход — это обычно процесс быстротечный, характеризующийся нестабильным состоянием системы. Важное следствие такой нестабильности заключается в том, что зависимость между интенсивностью входных воздействий на систему и ее реакциями на эти воздействия бывает нелинейной, так что относительно слабые воздействия могут вызывать весьма серьезные последствия, вести к кардинальным изменениям состояния системы.

С аналогичными явлениями приходится иметь дело и в науках, изучающих человеческое общество и его историю. И здесь мы фиксируем такого рода «фазовые переходы», когда относительно стабильное существование социального организма сменяется периодом быстрых и резких, революционных изменений. В таких условиях нестабильности вполне возможно, что какие-то процессы, протекающие на микроуровне,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №10-03-00846а/Б.

повлекут глубокие последствия, которые проявятся в весьма заметных, вплоть до самого глобального, масштабах.

Необходимо специально подчеркнуть это обстоятельство: и в естественных, и в социальных системах слабые возмущения, происходящие на стадии фазового перехода, способны вызывать значительные изменения. Принимать во внимание специфику переходных процессов важно не только при изучении таких систем, но и при поиске эффективных технологий воздействия на них. Именно в этом во многом и заключены основания быстро растущего в современной науке внимания к такого рода состояниям и ситуациям. В свою очередь, повышенным интересом к открывающимся здесь технологическим возможностям определяются приоритетные направления научного познания и самих таких систем и состояний.

Сказанное о переходных ситуациях применимо и к человеку. Сегодня он все чаще оказывается объектом самых разных воздействий, осуществляемых с помощью соответствующих технологий (см.: Юдин, 2010). Есть все основания утверждать, что создание новых, все более эффективных технологий воздействия на человека стало в наши дни одной из наиболее значимых тенденций научно-технического прогресса. А это значит, что особое внимание привлекают те самые пограничные зоны, в пределах которых технологические вмешательства могут быть особенно результативными.

Но, далее, применительно к познанию человека такие пограничные зоны значимы еще и потому, что обращение к ним позволяет нам лучше понять, что есть человек. Ведь именно в предельных ситуациях зачастую наиболее отчетливо проявляются какие-то определяющие черты интересующего нас объекта. В данном же случае нас будут интересовать такие предельные ситуации, которые представляют собой грань между собственно человеческим существом и тем, что таковым не является. Сделав такие предельные ситуации своего рода точками отсчета, мы можем попытаться увидеть, что такое человек, с одной стороны, как бы находясь внутри этого человеческого, а с другой, — глядя на него извне.

Чрезвычайно обильным поставщиком таких предельных ситуаций применительно к человеку являются сегодня биомедицинские технологии. Они особенно активно развиваются и используются для осуществления таких манипуляций в пограничных зонах, которые чреватые самыми разными возможностями. С моей точки зрения, именно то, что биомедицинские технологии внедряются в такие зоны, во многом и делает

сегодня особенно актуальным вопрос о том, что такое человек, определяет, если угодно, специфические формы постановки и осмысления этого вопроса.

Вот несколько примеров того, как появление новых технологий заставляет задумываться над тем, что такое человек. Принятая в 1997 г. Советом Европы «Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» стала первым юридически обязывающим документом, призванным регулировать создание и применение биомедицинских технологий. Согласно статье 1 этого документа, раскрывающей его объект и цель, «Стороны настоящей Конвенции обязуются при использовании достижений биологии и медицины защищать достоинство и индивидуальность *каждого человеческого существа* и гарантируют *каждому*, без дискриминации, уважение целостности и неприкосновенности его личности и соблюдение других прав и основных свобод» (<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm>, курсив мой — Б. Ю.). Как видно из содержания этой статьи, ее смысл самым существенным образом зависит от того, что будет пониматься под «человеческим существом» и «каждым» (человеком). А между тем Конвенция не дает определения понятий «человек» и «человеческое существо». В этой связи в Пояснительном докладе, дающем толкования положений Конвенции, отмечается: «В Конвенции не дается определения термина "каждый" (во французском языке "toute personne"). Эти два термина эквивалентны и употребляются в английском и французском вариантах Европейской конвенции о правах человека, в которой, однако, тоже нет их определения. В отсутствие единодушия среди государств — членов Совета Европы относительно определения этих терминов было принято решение, что для целей применения настоящей Конвенции их определение отдается на усмотрение национального законодательства стран» (<http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/164.htm>). Таким образом, Совет Европы не взял на себя смелость давать юридически обязывающее определение понятий «человек» и «человеческое существо».

Еще один пример. Линда Гленн, американский специалист по биоэтике, несколько лет назад заметила: «За последние годы произошло несколько научных достижений, которые прежде мы относили к области научной фантастики. От переноса клеточных ядер до беременности вне организма, от чипов, имплантируемых в мозг, до трансгенных организмов, от киборгов до химер — таковы следующие шаги в нашей собственной эволюции. Будущие открытия, вероятно, изменят наше понима-

ние того, «что есть человек». Сегодня патентовать человеческие существа нельзя, но само понятие «человеческого существа» еще должно быть определено судами или законодателями» (Glenn, 2003: 251). Я согласился бы с этими словами, но с одним уточнением: на мой взгляд, определение этого понятия требует участия не одних только юристов и законодателей, но более широкого круга экспертов, в том числе и философов.

Далее речь пойдет о четырех пограничных зонах, хотя это совсем не значит, что их не может быть больше. Наверное, можно предложить и другие примеры такого рода пограничных зон, в отношении которых будет уместно задаваться тем же самым вопросом. По мере того, как мы приближаемся к какой-либо из таких пограничных зон, так сказать, изнутри, у нас становится все меньше оснований с определенностью утверждать, что мы все еще имеем дело с человеком. А когда мы пересекаем внешнюю границу этой зоны, то получаем право уверенно утверждать, что «это» — уже не человек. Находясь же внутри пограничной зоны, мы лишены четких ориентиров, позволяющих однозначно решать, имеем ли мы дело с человеком или нет. С этой точки зрения можно говорить о пограничных зонах как о зонах неопределенности.

Человек между жизнью и смертью

Итак, каковы же эти зоны? Первая зона — это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предваряет рождение индивидуального человеческого существа. Третья зона разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. И четвертая зона — это зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину.

В каждой из этих зон, если мы начинаем внимательно в нее всматриваться, обнаруживаются весьма интересные, зачастую весьма бурные процессы, которые люди мало-помалу начинают контролировать с помощью биомедицинских технологий. Оказывается, что видевшееся при поверхностном взгляде как мгновенный переход, предстает теперь как целая цепь взаимосвязанных явлений и процессов, а на месте того, что казалось нам точечным событием, обнаруживается обширная область, в пределах которой биомедицинские технологии позволяют осуществлять разного рода манипуляции.

Один из примеров подобных манипуляций, относящийся к первой из обозначенных выше пограничных зон — это постановка такого диагноза, как «смерть мозга». Смерть мозга фиксируется тогда, когда мозг

перестал функционировать, причем остановка функционирования приняла необратимый характер. Дело, однако, в том, что современные биомедицинские технологии позволяют в течение довольно длительного времени, исчисляемого часами и днями, поддерживать в организме какие-то биологические процессы и функции. Если пациент подключен к аппарату «искусственное сердце — легкие», то у него может поддерживаться дыхание и кровообращение при том, что сердце и легкие свои функции не выполняют. Это — такое искусственное состояние, которое природа сама по себе не обеспечивает. А коль скоро мы научились вызывать и поддерживать это искусственное состояние, то оказывается, что с организмом, находящимся в таком состоянии, можно производить различные манипуляции.

Прежде всего, возможность сохранять жизнь человека в условиях, когда естественное кровообращение и дыхание прерваны, означает, что те состояния, которые прежде ассоциировались со смертью, теперь оказываются в существенных пределах обратимыми. А тем самым и смерть человека отодвигается, так что при наших попытках ответить на вопрос «что такое человек?» мы уже не можем так легко и просто указывать в качестве одного из неотъемлемых признаков наличие самопроизвольного дыхания и (или) кровообращения.

Но, более того, создаются технологии, направленные на то, чтобы, с одной стороны, обеспечивать это искусственное прерывание кровообращения и дыхания, останавливая нормальное функционирование сердца и легких и, с другой стороны, напротив, искусственно же запускать их нормальное функционирование. Тем самым открывается возможность проводить такие хирургические манипуляции, как, скажем, аортокоронарное шунтирование, которое позволяет восстанавливать кровоснабжение сердечной мышцы. У пациента вырезается кусок кровеносного сосуда, скажем, вены из ноги, который затем вшивается ему же в качестве обводного канала (шунта) в коронарную артерию. При этом на время проведения всех хирургических манипуляций, занимающих несколько часов, естественный кровоток у пациента останавливается, так что с точки зрения традиционных критериев смерти этого пациента следовало бы считать умершим. За последние десятилетия аортокоронарное шунтирование позволило на целые десятилетия отодвинуть грань, отделяющую жизнь от смерти, для миллионов людей.

Возможность осуществления всех этих манипуляций свидетельствует о том, что пограничная зона между жизнью и смертью человеческого существа расширяется, причем не столько в физическом, сколько

в технологическом смысле. Еще одна сфера ее расширения связана с использованием органов и тканей пациента, у которого поставлен диагноз смерти мозга, для аллотрансплантации, т.е. их пересадки другим пациентам. С принятием этого критерия только и стало возможным изымать из тела человеческого существа, у которого поставлен диагноз смерти мозга, такие органы, как сердце, легкие, печень. Ведь извлечение этих органов из тела живого пациента, т. е. того, у которого смерть мозга не диагностирована (и не оформлена юридически), будет квалифицироваться как убийство. А коль скоро такой диагноз поставлен, то изъятие этих, и не только этих, но и многих других, органов и тканей становится вполне приемлемой манипуляцией: изъятые органы и ткани могут быть использованы в терапевтических целях — для того, чтобы помочь другим пациентам.

Появление и последующее расширение зоны манипуляций в пространстве между жизнью и смертью порождает и множество проблем морального порядка, изучением которых занимается биоэтика. При этом, как показывает история развития биоэтики, довольно редко проблемы, которые ее интересуют, получают окончательное, устраивающее всех решение. Как правило, эти проблемы, относятся ли они к донорству и пересадке органов, к возможности отключения пациента от жизнеподдерживающих устройств, к допустимости тех или иных генетических тестов или же вмешательств в гены человека и т. д., снова и снова становятся ареной столкновения противоборствующих позиций, неустанного поиска приемлемых решений. И одним из главных оснований, на которые опираются предлагаемые нами решения, как раз и является наше понимание того, «что такое человек?». Можно ли считать, что существо, у которого диагностирована смерть мозга, уже перестало быть человеком, если учесть, что мы можем наблюдать воочию многие признаки биологического функционирования его организма?

Очевидно, нашими поисками ответа на этот вопрос руководит вовсе не праздное любопытство, а вполне практические соображения. Только в силу того, что мы признаем, что это существо уже не является человеком, живым человеком, мы и можем совершать такие манипуляции, как извлечение и последующее использование органов и тканей этого существа или как отключение жизнеподдерживающей аппаратуры.

Ведь когда мы говорим, что это вот существо — человек, тем самым мы не просто фиксируем какие-то объективные показатели, которые позволяют поставить диагноз смерти мозга. Мы еще и выражаем нашу ценностную позицию, на основании которой и определяем, какие

манипуляции будут морально приемлемыми, а какие — нет. И постольку, поскольку у людей бывают разные, порой диаметрально расходящиеся, ценности, в таких ситуациях бывает очень непросто найти решение, которое удовлетворило бы всех.

Это со всей очевидностью демонстрирует наш пример, в котором речь идет о пограничной зоне между жизнью и смертью. Действительно, когда в 60-е годы XX века впервые в дополнение к традиционным критериям, по которым фиксировалась смерть, был предложен новый критерий смерти, то далеко не все готовы были его принять. Известно, что в Советском Союзе В. П. Демихов проводил пионерные исследования в области трансплантологии, экспериментируя на собаках. В частности, уже в 1946 г. он осуществил пересадку сердца, а затем — и комплекса сердце-легкие. А вскоре после того, как южноафриканский врач К. Барнард в 1967 г. провел первую в мире успешную пересадку донорского сердца от человека человеку, и в нашей стране была предпринята подобная операция, оказавшаяся, правда, неудачной. Затем, однако, работы по пересадке сердца у нас были прерваны почти на 20 лет. И причиной такого перерыва было то, что тогдашний министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский, сам, кстати, выдающийся кардиохирург, по моральным основаниям не мог принять критерия смерти мозга. Он рассуждал примерно так: «Как это — у человека, пусть искусственными средствами, но поддерживается дыхание и кровообращение, а мы будем считать его мертвым?» В результате в Советском Союзе первая успешная операция по пересадке сердца была проведена лишь в 1987 г. академиком В. И. Шумаковым. Сам же критерий смерти мозга был в полной мере узаконен уже в России, когда в 1992 г. был принят Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

В этом отношении наша страна отнюдь не уникальна. Так, в Японии тоже были немалые сложности с юридическим, а точнее сказать — с моральным одобрением этого критерия. А есть люди, которые до сих пор не хотят его принимать. Но давайте теперь попробуем задаться вопросом: а что и кто может обязать такого неверующего принять критерий смерти мозга?

Да, ученые, биологи и медики, утверждают, что человеческое существо, оказавшееся в таком состоянии, является мертвым. Но вот один из таких несогласных — будем называть его Фомой неверующим, — рядовой человек, видит, что, скажем, его близкий, который лежит на больничной койке, дышит (пусть с помощью искусственного устройства), у него пульсирует кровь и т. п. И когда врачи говорят Фоме, что его род-

ственник мертв, Фома с ними не соглашается, предпочитая верить не чужим словам, а своим глазам.

Пойдем теперь дальше: к делу подключились юристы, за ними — законодатели. Принят соответствующий акт, узаконивающий этот критерий. Отныне за ним стоит авторитет не только ученых, но и государства. Значит ли это, что теперь наш Фома обязан с ним согласиться, так сказать, внутренне, по своим убеждениям? Я в этом не уверен.

И действительно, есть люди, которые не хотят принимать этот критерий. Их, конечно, можно считать отсталыми, темными, но вопрос все-таки остается: а можно ли *заставить* их согласиться с критерием смерти мозга, *заставить* считать мертвым человеческое существо, у которого поддерживается дыхание и кровообращение?

Здесь напрашивается сравнение нашего Фомы с невеждой, отказывающимся признавать, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Мы, конечно, можем посмеяться над таким человеком, но будет ли иметь смысл принятие закона, заставляющего признавать гелиоцентрическую систему? Не окажется ли еще более смешным сам такой закон? В самом деле, до тех пор, пока представления и верования Фомы не причиняют ущерба кому-нибудь другому, они остаются его частным делом.

Возвращаясь теперь к нашему критерию, можно заметить, что в некоторых странах закон не настаивает на его всеобщности. В том случае, если кто-то отказывается признавать критерий смерти мозга, его позиция получает признание, так что смерть его близкого будет определяться в соответствии с традиционными критериями.

Как мы видим, все начинается с того, что создаются биомедицинские технологии, позволяющие бороться за продление человеческой жизни, за то, чтобы отодвинуть какие-то состояния, которые раньше были терминальными, чтобы человеческая жизнь могла продолжаться дальше. Едва ли кто-то будет спорить, что цель, которая при этом преследуется — самая благая. А затем, когда эти технологии уже начинают применяться, обнаруживаются и какие-то новые возможности, которые вначале не были видны. И в результате открываются такие пути развития, такие траектории, которые порождают не только новые возможности, но и новые морально-этические проблемы.

Зона репродукции

Перейдем теперь к другой пограничной зоне — зоне, которая предшествует рождению нового индивидуального человеческого существа. Грубо говоря, этот интервал можно ограничить моментом слияния сперматозоида и яйцеклетки, с одной стороны, и моментом выхода ребенка на свет из материнской утробы, с другой. Здесь тоже в последние десятилетия очень основательно поработали биомедицинские технологии. Весь этот период, как известно, длится 28 недель, которые, впрочем, неравнозначны в отношении эффективности микровоздействий на развивающийся организм: чем ближе к начальной стадии, тем более результативны эти воздействия. Вместе с тем в ценностно-этическом отношении дело обстоит таким образом, что чем ближе к окончанию внутриутробного развития, тем, вообще говоря, морально менее допустимыми считаются внешние технологические воздействия на организм.

Следует отметить, впрочем, такое немаловажное обстоятельство. Подобно тому, как в зоне окончания человеческой жизни некоторые технологически важные воздействия приходится на то время, когда смерть уже зафиксирована, так и в зоне начала жизни многие значимые воздействия на мужские и женские половые клетки производятся еще до момента их соединения.

Нобелевскую премию по медицине за 2010 г. получил британский физиолог Роберт Эдвардс, который явился одним из отцов-основателей вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, того направления, которое принято называть экстракорпоральным оплодотворением. И эта зона тоже оказалась предметом самого пристального интереса, как научного, так и общественного, породившего массивный поток научных исследований.

Эти исследования в области искусственной репродукции привели к возникновению множества новых технологий. И, естественно, с развитием таких технологий стали возникать и новые проблемы: а является ли уже человеческим существом вот это, то, с чем ученые манипулируют в пробирке, или еще не является?

Одна из таких проблем, о которой в наши дни говорят особенно много, — это проблема эмбриональных стволовых клеток. Чтобы их получить, надо, скажем так, употребить на это зарождающуюся человеческую жизнь. Или еще одна проблема: можно ли (с этической, а не с технической точки зрения — техническая возможность этого очевидна) создавать человеческие эмбрионы для исследовательских целей? В 1997 г. Советом Ев-

ропы была принята Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине), часто ее именуют просто Конвенцией о биоэтике. Статья 18, часть 2 этого документа гласит: «Запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях». Но, скажем, такое государство, как Великобритания, не присоединяется к этой Конвенции, потому что там считают, что такие манипуляции с эмбрионами в каких-то пределах допустимы. Конечно, проведение этих манипуляций регулируется, и нет такой ситуации, что «все дозволено». Нет, однако, и жесткого запрета. В Великобритании действует специальная регулирующая структура — Управление, регулирующее вопросы оплодотворения и эмбриологии человека (Human Fertilisation and Embryology Authority — HFEA). Оно занимается лицензированием и мониторингом клиник искусственного оплодотворения и всех проводимых в стране исследований на человеческих эмбрионах, а также обеспечивает информирование общества по этой проблематике.

Запрета на создание эмбрионов в исследовательских целях нет и в нашем законодательстве, и это — одно из оснований, по которым Правовой департамент Министерства здравоохранения и социального развития РФ выступает против присоединения России к Конвенции о биоэтике. Правда, нет у нас и органа, аналогичного HFEA, так что с юридической точки зрения дозволены если не все, то очень многие манипуляции с зародышевым материалом независимо от того, как они оцениваются в этическом плане.

Появление технологий, позволяющих такие манипуляции, первоначально обосновывалось целью медицинской помощи супружеским парам, которые по тем или иным причинам оказываются бесплодными. Иными словами, речь шла о терапевтическом использовании этих технологий. Между тем их развитие открывало все новые и новые возможности, в том числе и отнюдь не терапевтические.

Рассмотрим в качестве примера преимплантационную диагностику. Сама ее возможность возникла тогда, когда была разработана технология оплодотворения в пробирке. Если оплодотворение происходит в пробирке, то начинает развиваться сразу несколько протоэмбрионов, которые потом могут быть имплантированы женщине для того, чтобы у нее развивалась беременность. Так вот, технология преимплантационной диагностики первоначально разрабатывалась для того, чтобы отбирать из числа этих протоэмбрионов таких, у которых нет дефектов.

А дальше события начинают развиваться по своей логике: выясняется, что можно ставить задачу не простого отбора протоэмбрионов без дефектов, а выбора того из них, который в процессе своего развития превратится в ребенка с какими-то определенными характеристиками, привлекательными для его родителей. Получается, таким образом, что к этой вспомогательной репродуктивной технологии (оплодотворения в пробирке) можно прибегать не потому, что у женщины или у мужчины какие-то дефекты репродуктивных органов, а потому, что появляется сама такая возможность селекции. Иными словами, становится практически осуществимой реализация — пока что на уровне отдельной семьи — евгенических проектов улучшения потомства. И тогда оказывается, что люди могут идти на оплодотворение в пробирке не ради терапевтических целей, а именно для того, чтобы получить возможность такого выбора.

Начинает обсуждаться следующий сюжет: допустим, эти технологии получили широкое распространение, и можно производить преимплантационный отбор протоэмбрионов по таким генам, которые обеспечивают высокий уровень интеллекта. В этом контексте можно помыслить сценарий из сравнительно недалекого будущего: с тех пор, как технологии такого отбора стали общепринятыми, проходит лет 20 лет, и вот ребенок, уже юноша, который был рожден, так сказать, обычным путем, без оплодотворения в пробирке, обращается к родителям и пеняет им: «Что же вы в свое время не позаботились обо мне как следует? Все вокруг меня такие интеллектуально одаренные, такие развитые, а я один серый и ограниченный, потому что вы либо пожалели денег на оплодотворение в пробирке и диагностику, либо вообще об этом не задумывались». Возникает, таким образом, совершенно другая ситуация: технология оплодотворения в пробирке становится преобладающей, но уже не по медицинским, а по совсем иным основаниям.

Рассмотренный пример на сегодня является все-таки гипотетическим, да и сами технологии оплодотворения в пробирке и преимплантационной диагностики пока что не очень-то надежны. Есть, однако, примеры и вполне реальные, относящиеся, правда, не к преимплантационной, а к пренатальной диагностике (которая проводится уже на стадии внутриутробного развития плода). Эта технология все чаще применяется для обнаружения генетических дефектов развивающегося эмбриона, и ее возможности быстро расширяются, поскольку возрастает многообразие генетических аномалий, которые позволяет выявлять такая диагностика.

Но сегодня широкое применение пренатальной диагностики в основном связано с тем, что во многих странах она используется для се-

лекции по признаку пола. При этом за диагностикой следует аборт, коль скоро пол будущего ребенка не удовлетворяет родителей. Известно, что обычно на 100 рождений девочек приходится 105–106 рождений мальчиков. Девочки по природе более жизнеспособны, так что к репродуктивному возрасту соотношение полов выравнивается, становится 100 к 100. А сейчас в некоторых странах (в основном в Юго-Восточной Азии, хотя не только там) это отношение доходит до 122 к 100. Значит, на 100 девочек рождается 122 мальчика. И причиной является то, что часто родители, узнав, что беременность должна разрешиться рождением девочки, прибегают к аборту.

«В большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка, — пишет американский биофизик, один из наиболее энергичных пропагандистов идей перехода от человека к трансчеловеку, постчеловеческого будущего Г. Сток, — для целей выбора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее, дало удивительный результат: из 8000 абортированных зародышей 7997 были женского пола. А в Южной Корее подобные аборты получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, — мальчики, видимо, из-за того, что супруги не хотят появления еще одной девочки» (Stock, 2003: 14).

В Китае, где такие практики используются уже довольно долго, последствия их применения накладываются на результаты государственной политики сокращения рождаемости, основывающейся на принципе «одна семья — один ребенок». Поэтому там существует особенно сильная мотивация в пользу того, чтобы проводить пренатальную диагностику и, в случае надобности, делать аборт. И страна уже столкнулась с весьма острой проблемой: юношей, находящихся в репродуктивном возрасте, существенно больше, чем девушек, потенциальных невест. Это является источником серьезных социальных напряжений и проблем, потому что юноша, которому трудно найти спутницу жизни, будет, скорее всего, более склонен к тем или иным формам антисоциального поведения.

Вообще же следует заметить, что пограничная зона, через которую проходит рождающееся человеческое существо, является, пожалуй, наиболее чреватой этическими проблемами. Для иллюстрации можно напомнить о том, что в свое время в рамках Руководящего комитета по биоэтике Совета Европы была создана рабочая группа международных экспертов. Перед группой была поставлена такая задача: разработать юридически обязывающий документ, направленный на защиту эмбрио-

нов и зародышей человека. Спустя несколько лет, однако, группа пришла к выводу, что создание такого документа сегодня не представляется возможным. Причина — эксперты оказались не в состоянии прийти к согласованному решению о том, с какого момента начинается человеческая жизнь. В результате группа ограничилась лишь представлением доклада, в котором были зафиксированы наиболее распространенные позиции по этому вопросу (см.: CDBI-CO-GT3 (2003)13 (PDF)_The protection of the human embryo *in vitro* — Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus. URL: http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/default_en.asp).

Между человеком и животным

Теперь более кратко о двух других пограничных зонах, которые также заставляют задаваться вопросом «что такое человек»? Одна из них — зона между животным и человеком. Существа, населяющие эту зону, называют гибридами, т.е. организмами, полученными в результате скрещивания генетически различающихся видов или химерами, т.е. организмы (или части организмов), состоящие из генетически разнородных тканей.

В 50-е годы очень популярен (и у нас, в Советском Союзе) был роман французского писателя Жана Веркора «Люди или животные?» (в оригинале, на французском — «Неестественные животные», см.: Vercors, 1952; Веркор, 1990). Сюжет таков: в Австралии обнаруживаются существа, которым антропологи дают именование *Paranthropus*. непонятно, то ли эти существа являются обезьянами, то ли людьми. И нашлись те, кто стал использовать этих существ для выполнения тяжелых работ, эксплуатировать их. Сторонники такой позиции, естественно, обосновывали ее тем, что эти существа — нелюди, эксплуатация которых несколько не предосудительна. Оказалось, для ответа на вопрос о том, являются ли *Paranthropus* людьми или животными, необходимо было дать определение того, «что есть человек». А затем выяснилось, что нет какой-то одной области знаний, которая обладала бы монополией на единственно верное решение этой проблемы.

В 1974 г. Дж. Флетчер, американский теолог и специалист по биоэтике, в своей книге «Этика генетического контроля: конец репродуктивной рулетки» предложил термин «паралюди» для обозначения химер и киборгов. По его словам, паралюдей можно будет создавать для использования на грязных и опасных работах (Fletcher, 1988: 135–139).

Впрочем, эти идеи Флетчера были встречены весьма критически и коллегами, и широкой публикой.

Сейчас интерес к пограничной зоне между человеком и животным обострился в связи с появлением таких технологий, как, скажем, ксенотрансплантация, то есть использование для пересадки человеку донорских органов животных. Дело в том, что с развитием трансплантологии операций по пересадке становится все больше, так что дефицит необходимых для этого органов и тканей человека неуклонно обостряется. В связи с этим и возникает идея использовать для трансплантации органы животных. (Кстати, согласно Википедии, в первой операции по пересадке сердца человеку, выполненной в 1964 г. Джеймсом Харди, было использовано сердце животного.) Но если какой-то орган животного пересаживается человеку, то граница между человеком и животным оказывается размытой. В современных дискуссиях по поводу этических проблем, порождаемых ксенотрансплантацией, преобладают два мотива. Первый из них — это риск, связанный с тем, что в теле животного, из которого будут изыматься органы или ткани для пересадки их человеку, могут содержаться такие микроорганизмы, такие вирусы, которые в процессе эволюции стали совершенно безвредными для своего естественного хозяина. Эта безвредность, между прочим, может делать их трудно обнаружимыми. Однако при попадании в иную среду — в генетически сильно отличающийся организм человека — эти вирусы могут стать чрезвычайно опасными, патогенными для нового хозяина, организм которого не имел возможности выработать механизмы защиты от них.

Второй мотив дискуссий по поводу ксенотрансплантации связан с культурной значимостью границы между человеком и животным. Отметим, что по целому ряду научных и практических соображений из всех видов животных наиболее подходящим с точки зрения возможностей использования в целях ксенотрансплантации является свинья. Между тем в некоторых религиях (исламе, иудаизме и др.) свинья воспринимается как нечистое животное, так что для человека будет совершенно неприемлемой пересадка ему органа, изъятого у свиньи. Да и в более общем случае, как все мы отлично знаем, в любой культуре существует грань между человеком и животным. Наличие такой грани, которая, впрочем, в разных культурах может проводиться по-разному, можно считать одной из универсалий культуры. Но коль это так, то мы можем полагать, что человеку психологически будет по меньшей мере некомфортно, если ему предложат согласиться — даже во имя спасения собст-

венной жизни — на то, что в его тело будет постоянно помещен фрагмент какого-либо животного. А если пойти немного дальше и помыслить человека, у которого не один, а целый ряд жизненно важных органов будут животного происхождения?

Таким образом, и в этой пограничной зоне перед нами встает все тот же вопрос: «Что такое человек?», который в данном случае можно переформулировать примерно так: «Где кончается животное и начинается человек?». Опять-таки, этот вопрос несет в себе вполне практический смысл, поскольку возникает необходимость решать, что является допустимым (с этической, а может быть, также и с юридической точки зрения), а что — недопустимым. Но, далее, о комбинациях человека и животного приходится говорить не только в связи с ксенотрансплантацией. Сегодня гибриды и химеры человека и животных создаются для исследовательских целей, для получения каких-то ценных продуктов, лекарственных препаратов и т. д.

Человек искусственный?

Наконец, еще одна зона неопределенности — это зона между человеком и машиной. Эту зону не так-то просто ограничить, поскольку в широком понимании любой артефакт, любое орудие, вообще любое приспособление, создаваемое и (или) используемое человеком, можно представить как его искусственное продолжение.

Можно полагать, впрочем, что не будет выглядеть чрезмерным такое ограничение, в соответствии с которым в рассмотрение включаются только те устройства, которые являются структурными или функциональными аналогами, заместителями тех или иных органов человека. Технологические воздействия в этой зоне также могут носить терапевтический характер. Простейший пример — это очки, которыми мы пользуемся, когда у нас возникают проблемы со зрением. При этом очки выступают в качестве искусственного устройства, призванного усилить функционально ослабленный естественный орган зрения, глаз. Другой пример — протез, скажем, такой, который замещает ногу у человека, потерявшего ее в автомобильной аварии, и может существенно улучшить качество его жизни. Здесь уже мы имеем дело не только с функциональным, но и со структурным подобием естественного органа и заменяющего этот орган искусственного устройства.

С точки зрения голландского философа американского происхождения Дж. Андерсона, различие между двумя этими примерами можно

провести на основе «критерия инвазивности», т. е. того, вторгается ли то или иное устройство внутрь тела человека. В отличие от первого, во втором примере речь идет об устройстве, которое «нарушает границу между тем, что находится внутри человека, и тем, что вне него» (Anderson, 2008: 259). Дж. Андерсон пользуется этим критерием при обсуждении вопроса о том, как можно различить технологические воздействия на человека, имеющие терапевтическую направленность, и воздействия евгенического толка, направленные на его улучшение. Как нетрудно заметить, вопрос этот находится в непосредственной близости к тому вопросу, который был поставлен в начале данной статьи. Действительно, когда мы даем тот или иной ответ на вопрос, носит ли некоторое технологическое воздействие на человека терапевтический характер или же оно направлено на улучшение человека (естественно, улучшение, понятие в евгеническом или, если угодно, трансгуманистическом смысле), мы опираемся при этом на определенное понимание того, «что есть человек». В данном случае этот вопрос можно переформулировать так: каковы те пределы, перейдя которые мы уже имеем дело не с человеком, а с кем-то (или чем-то) другим.

Андерсон вполне справедливо, на мой взгляд, выступает против попыток *открыть в самих явлениях* такие разграничительные линии, которые позволят отличить терапию от улучшения либо управление идентичностью человека с помощью фармакологических средств от восстановления аутентичного «я». Действительно, такие разграничительные линии мы не столько извлекаем из самих по себе явлений, сколько проводим, руководствуясь установлениями своей культуры, своими ценностями и этическими системами. А там, где эти установления и системы не позволяют прийти к однозначным решениям, мы вынуждены вступать в диалог, искать консенсусы и компромиссы.

Вместе с тем Андерсон относится критически и к критерию инвазивности, считая его неудовлетворительным как с метафизической, так и с этической точки зрения. В этом отношении его позиция не представляется мне убедительной. В самом деле, даже признавая метафизическую и этическую сомнительность критерия инвазивности, мы вовсе не обязаны полностью от него отказываться. Ведь он обладает определенной мерой убедительности, по крайней мере на уровне обыденного сознания, и при всей его нестрогости может быть полезным в эвристическом плане. Правда, в таком случае он будет уже не столько критерием, сколько своего рода указателем, подсказывающим перспективные направления поиска ответов на интересующий нас вопрос.

Статья Андерсена, в которой рассматриваются этические проблемы, связанные с использованием нейропротезов, т. е. устройств, которые позволяют индивиду выполнять некоторые присущие человеку функции. В качестве простейшего примера здесь выступает трость, которая для слепого индивида выполняет функцию нейропротеза, поскольку позволяет ему отчасти восстановить утраченную способность пространственной ориентации (Ibid.: 261). Впрочем, Андерсон анализирует в этом плане и намного более изощренные устройства, такие, скажем, как компьютеры, позволяющие фиксировать, различать и воспринимать тончайшие нюансы в исполнении оркестром музыкальных произведений.

Обращение к нейропротезам, вообще к устройствам, так или иначе связанным с переработкой информации, позволяет нам вполне естественным образом перейти от сугубо биомедицинских технологий к так называемым конвергирующим технологиям, поскольку здесь мы видим совместное использование наряду с биомедицинскими также и информационных, и когнитивных технологий. В этой связи следует отметить, что взаимодействие, даже взаимопроникновение человека и машины — это сегодня, наверное, одна из наиболее заметных тенденций научно-технического прогресса. При этом особое внимание привлекают технологии, которые направлены на усиление интеллектуальных возможностей человека. В этой связи имеет смысл обратиться к такой экстравагантной личности, как профессор университета Рединг (Великобритания) Кевин Уорвик, который однажды сказал: «Я хочу что-то сделать со своей жизнью. Я хочу стать киборгом». В 1998 г. он стал первым, кто пережил опыт существования в качестве кибернетического организма, отчасти человека, отчасти машины. С этой целью ему хирургическим путем был вживлен в руку электронный микрочип, который позволял ему на расстоянии управлять дверями и электричеством, а также взаимодействовать с находящимся в здании компьютером (http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/uk/2000/newsmakers/1069029.stm). На второй стадии эксперимента, в 2002 г., нервная система Уорвика, который находился тогда в Колумбийском университете в США, через интернет была связана с роботом-манипулятором в университете Рединг. При этом Уорвик был в состоянии управлять манипулятором (Warwick, Gasson, Hutt, Goodhew, Kyberd, Andrews, Teddy, Shad, 2003).

В последние годы обсуждается вопрос, можно ли вставить человеку чип, в котором будет записано все содержание Британской энциклопедии, Encyclopaedia Britannica, которая считается наиболее авторитетным энциклопедическим изданием в мире. Если это будет сделано —

человеку не надо будет идти в библиотеку или сидеть за компьютером, все это будет у него в памяти. Проблемой будет возможность извлечения этой информации из памяти. В целом же в подобного рода проектах имеется в виду обеспечение человека такими, условно говоря, протезами, которые поначалу задумываются для того, чтобы компенсировать какую-то отказавшую естественную функцию. Затем, однако, как и в рассмотренных ранее примерах, возникают и более далеко идущие замыслы, нацеленные на выполнение таких функций, которые выходят за рамки естественных возможностей человека.

Мы видим, таким образом, что во всех рассмотренных примерах на первых стадиях идет поиск терапевтических возможностей, но затем, по мере совершенствования технологий, люди начинают задумываться и о задачах улучшения, уже не *излечения* человека, а именно его *улучшения*. Это уже задачи неоевгенического характера: усовершенствование и физических, и интеллектуальных способностей человека. И здесь мы можем к четырем уже обозначенным пограничным зонам добавить еще одну, которая в некотором смысле является продолжением переходной зоны между человеком и машиной. Это — граница между человеком и трансчеловеком (либо, если воспользоваться термином Ф. Фукуямы — постчеловеком). Впрочем, взаимоотношения между двумя этими существами — особая тема, которая выходит за рамки данной статьи.

В заключение необходимо отметить следующее. Никто не даст нам такого определения того, что есть человек, с которым мы все согласимся. К этой проблеме нам придется и будет приходиться обращаться снова и снова по мере того, как будут развиваться, все более основательно входить в нашу жизнь биомедицинские технологии. И даже если мы найдем такое определение, которое будет устраивать всех, то и оно не будет оставаться в силе на веки вечные. Это — то, на что мы обречены в век столь бурного прогресса биомедицинских технологий.

Литература:

Веркор (1990) Молчание моря. Люди или животные? Сильва. Плот «Медузы». М. : Радуга.

Юдин Б. Г. (2010) Человек в обществе знаний // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №3. С. 65–83.

Anderson J. (2008) Neuro-Prosthetics, the Extended Mind, and Respect for Persons with Disability // Düwell M., Rehmann-Sutter Chr., Mieth D. (eds.). The Contingent Nature of Life: Bioethics and Limits of Human Existence Heidelberg: Springer.

CDBI-CO-GT3 (2003)13 (PDF)_The protection of the human embryo *in vitro* — Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus [Элек-

тронный ресурс] URL: http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/default_en.asp

Fletcher J. (1988) *The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette*. Prometheus Books.

Glenn L. M. (2003) *When Pigs Fly? Legal and Ethical Issues in Transgenics and the Creation of Chimeras* // *The Physiologist*, Vol. 46, №5, October.

Stock G. (2003) *Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future*. Boston; N. Y. : Mariner Books.

Vercors J. (1952) *Les animaux denatures*. P.

Warwick K., Gasson M., Hutt B., Goodhew I., Kyberd P., Andrews B., Teddy P., Shad A. (2003). *The Application of Implant Technology for Cybernetic Systems* // *Archives of Neurology*. №60(10). P. 1369–1373.

[Электронный ресурс] <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/164.htm>

[Электронный ресурс] <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm>

[Электронный ресурс] http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/uk/2000/newsmakers/1069029.stm

Вал. А. Луков

ИДЕЯ БИОСОЦИОЛОГИИ²

В последнее время к идее биосоциологии обратились представители разных научных направлений и школ. Уже по тому, к каким классическим основаниям обращаются исследователи, строящие аргументацию применительно к утверждению биосоциологии в системе научных дисциплин, можно увидеть, насколько давней является сама идея независимо от того, как она трактуется сегодня.

Так, биосоциология стала в 2000-е годы активно развиваться в ключе методологических основ *неоаристотелизма*. Последовательно эту линию проводит В. Г. Шолохов (Шолохов, 2003). В докладе, специально посвященном биосоциологии, он отмечает: «Биосоциология — это наука о человеческом обществе с позиции философии Аристотеля. Необходимость использования нового по форме, но самого древнего по существу, подхода вызывается тем, что социология до сих пор не имеет однозначного понимания и разделена на множество так называемых “социальных наук”... философия Аристотеля позволяет согласовать все три уровня познания общества без обращения к “божественному” началу» (Second International Seminar., 2011). И далее, со ссылкой на работу Хруцкого (Хруцкий, 2011) и опираясь на «исключительно новый — нео-

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00483-а.

Аристотелевский — космологический фундамент», Шолохов выражает суть подхода: «“3-мерность” принимает конкретный вид отношений: общества (общая сфера), человека (конкретная сфера) и социально-технологической деятельности (промежуточная, но фундаментальная сфера) — “носитель фундаментальных жизненных процессов”. То есть, первый Субъект есть Общество, а второй Субъект есть Человек. С точки зрения “четырёх-причинности” Аристотелевские “материя, форма и движущая причина” образуют фундамент описания социально-технологических процессов. “Цель” материализуется в виде конкретной цели экономической деятельности. В “нормальной” экономике ее цель есть получение как человеком, так и обществом максимального экономического эффекта, который оценивается прибылью. Мы предложили использовать термин “богатство” для обозначения “цели”. Стационарность соответствует максимуму вероятности состояний элементов в открытой системе, а значит, и максимуму функции энтропии, которая оказывается интегральной характеристикой системы. Стремление к максимуму — суть второго закона термодинамики — есть цель природы» (Second International Seminar..., 2011).

Надо заметить, что в этой трактовке биосоциологии на передний план выдвинуты космологические контексты бытия человеческого общества. В частности, с позиций неаристотелизма С. Н. Гринченко (Гринченко, 2004) разработал иерархическую модель системы мироздания с применением целевого подхода, где каждый уровень представлен как самоуправляющаяся система.

Шолохов в лабораторных условиях проанализировал алгоритмы поведения таких систем и выявил особые свойства алгоритмов самоуправления: «Наиболее характерное свойство самоуправляющихся систем заключается в том, что экстремум функции цели не достигается, будучи ограниченным всегда существующими случайными процессами в природе (шумами). В применении к функции энтропии найденное свойство недостижения точного максимального значения функции энтропии означает, что самоуправляющаяся система “тонет” в шумах в зоне экстремума функции энтропии. Приращение функции энтропии можно выразить методами дифференциального исчисления через производную функции энтропии около зоны/радиуса нечувствительности.

$$dM/M + 2*dX/X — dT/T$$

Сравнивая этот конкретный результат с “четырьмя началами” Аристотеля, мы приходим к выводу, что dM/M — соответствует “материи”, — dX/X — соответствует “форме”, — dT/T — соответствует “дей-

ствующей причине”, а “цель”... есть выполнение закона возрастания энтропии ради физического принципа сохранения энергии. Так как квантовый стохастический ансамбль удовлетворяет перечисленным специальным принципам (условиям) бытия, то по Аристотелю такой ансамбль есть живая субстанция, то есть Субъект. Принцип универсальности бытия позволяет нам перенести полученный результат на другой уровень и рассмотреть с позиции полученного результата человеческое общество. Следствием такого переноса оказывается то, что человеческое общество есть физический объект, который может быть описан с помощью трех особых переменных: материя, пространство, время и одной всеобщей переменной — информация. Такое описание не является единственным. Эквивалентным преобразованием размерной части функции энтропии мы получаем другой набор переменных. Новым переменным мы дали названия, которые определены эвристически и соответствуют социально-технологической деятельности в человеческом обществе. Это: труд (размерность — время); продукт (размерность — масса); ресурс (размерность — масса); энергия (физическая размерность энергии); инфраструктура (размерность указана в нашей статье); и ценность, которая может быть выражена любой из перечисленных переменных, а также “деньгами”, моральными и этическими оценками “Добро”, “Красота”, “Истина”, “Польза” [Питирим Сорокин]» (Second International Seminar..., 2011).

Таким образом, это направление развития биосоциологии преимущественно ориентировано на космологический контекст и представление об универсальности бытия.

В другом направлении рассматриваемая идея развивается в исследованиях, восходящих к органицизму и психобиологическим поискам рубежа XIX и XX веков. Мы уже подробно излагали концептуальную основу трудов, созданных в этой парадигме (Луков Вал. А., 2011). Здесь лишь отметим, что биоорганицизм в начале XXI века приобретает иную аргументацию для своего развития не столько в силу недосказанности, недоработанности теорий вековой давности, сколько в силу быстрого развития медицинских и биотехнологий и технологий нейропрограммирования, которые заставляют идеи, объявленные утратившими свою научную значимость, снова осмыслить в контексте новых вызовов и рисков.

В этом ключе обращает на себя внимание активное развитие *трансгуманизма* и как теории, и как практически ориентированного социокультурного проекта. Присмотримся внимательнее к некоторым об-

стоятельствам развития трансгуманистических концепций. И прежде всего отметим, что возрождению биоорганизмических идей более всего способствует мечта о бессмертии человека как индивида. К ней трансгуманизм как будто бы прокладывает реальные пути.

Один из идейных отцов трансгуманизма Роберта Эттинджера в книге «Перспективы бессмертия» (1964) утверждал, что большинство людей, ныне живущих, имеет шансы на личное физическое бессмертие (Эттингер, 2003). Он разъяснял, что имеется в виду: «Верность этого замечательного предположения — могущего вскоре стать основой жизни каждого человека и общества в целом — легко понять, если соединить один установленный факт с одним разумным предположением.

Факт: при очень низких температурах можно, *уже сейчас*, сохранять умерших людей без малейшего ухудшения их состояния в течение сколь угодно долгого времени...

Предположение: если человеческая цивилизация продолжит свое существование, прогресс медицины, *в конечном счете*, позволит исправлять почти любые повреждения человеческого организма, включая повреждения, нанесенные при заморозке и старческие повреждения, а также любые другие причины смерти» (Там же: 3).

Эттингер в своей книге приводит высказывания ученых, не менее вдохновенных открывающимися перспективами управления человеческим организмом. Так, по поводу того, что генетика позволит вскоре «формировать наших детей так, как мы того захотим», он ссылается на высказывание доктора Филипа Зикевича (1918–2009): «Я уверен, что мы приближаемся к величайшему событию в истории человечества и даже в истории жизни на этой планете, и это — сознательное изменение человеком множества биологических процессов... Мы уже можем с легкостью вызывать мутации в штаммах бактерий; скоро мы сможем контролировать эти изменения; и не так уж велик шаг от бактерий к растениям, к животным или к самому человеку... мы сможем планировать наперед, чтобы наши дети были такими, какими мы захотим их сделать — физически и даже психически» (Siekevitz, 1958)³. И вслед за этим приводится мнение профессора Германа Дж. Мюллера, лауреата Нобелевской премии за исследования в области генетики: «Я уверен, что он [человек] перестроит себя [генетически]... мы можем достичь образа мыс-

³ Зикевич — член Национальной академии наук, Американской академии искусств и наук, Американского общества клеточной биологии — занимал пост президента в 1966 и 1967 гг. (Philip Siekevitz, 2012).

лей и жизни, которые сегодня кажутся невообразимо божественными» (Muller, 1957).

Заметим, что оба этих высказывания сделаны еще в конце 1950-х годов, т. е. более полувека назад. Рассматривая на этой ранней стадии формирования трансгуманистических идей уже готовые к употреблению практики временного прекращения жизни с последующим ее возобновлением, Эттингер задается рядом вопросов, которые связаны с социальными последствиями таких действий. Некоторые их разделов его книги показательны в этом отношении: «Заморозка и общественный порядок», «Определения смерти: права и обязанности замороженных», «Страхование жизни и самоубийства», «Трупы как граждане» и др. Уже в ранних трактовках трансгуманизма возникает, таким образом, представление, что применение достижений науки и техники непосредственно к человеку, причем в аспекте решительного воздействия на его природные свойства и границы жизни, имеют последствия, затрагивающие общество в самых разных отношениях, включая экономику, политику, право, религию и т. д. В работах последующих десятилетий эта линия была продолжена.

О том, в каком направлении строятся рассуждения исследователей, идущих от достижений в области продления человеческой жизни к мировоззрению, придающему этому обстоятельству первостепенное значение, свидетельствует статья Валерии Прайд (псевдоним Валерии Викторовны Удаловой) «Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения, прогнозы» (Прайд, 2008).

В. Прайд обращается в своей статье, среди других, и к теме изменений в социальной структуре общества в аспекте социальной стратификации. Она при этом рассматривает те изменения социального расслоения общества, которые уже имеют место (и, возможно, проявятся) именно *в связи с увеличением продолжительности жизни* и оставляет за рамками осмысления зависимость увеличения продолжительности жизни и здоровья от таких переменных как пол, расовые характеристики или различные параметры влияния окружающей среды. Автор отмечает, что на данном этапе исследований в этой области нет однозначного ответа на вопрос, будет ли социальное расслоение по мере увеличения ожидаемой при рождении продолжительности жизни расти или уменьшаться. «В то же время никем пока не выдвинуто никаких убедительных аргументов в защиту положения о возрастании социального напряжения по мере увеличения продолжительности жизни», — утверждает В. Прайд, отвергая аргументацию

тех, кто считает, что за ростом продолжительности жизни последуют социальные бури (Ашшурский, 2005; Сухих, 2008).

Интерес представляет отсылка Прайд к концепции С. Дж. Ольшанского, американского биогеронтолога и специалиста по биодемографии, предложившего (вместе с коллегами) идею, получившую название «Дивиденд долголетия». Ольшанский и коллеги утверждают, что оптимальным с экономической точки зрения будет не изучение и лечение отдельных болезней, а разработка методов замедления и лечения старения. Старость в этом случае становится более поздней и более короткой, и этим изменятся структура и объем издержек на лечение пожилых людей. Так представленная концепция «компрессии смертности» (Olshansky, Perry, Miller, Butler, 2006) заслуживает внимания и в аспекте перспектив возрастных групп, в частности молодежи: это важно для преодоления феномена эйджизма, в котором в статье В. Прайд также идет речь.

Она пишет, что «в современном обществе, ориентированном на молодежную культуру, сложились негативные стереотипы старости, которые отрицательно отражаются не только на самих пожилых и престарелых людях, но и на культуре общества в целом. Стереотипы старости определяются совокупностью упрощенных обобщений о лицах третьего возраста, позволяющей воспринимать их шаблонно и необоснованно» (Прайд, 2008). В этой связи рассматривается содержание термина «эйджизм», который был введен в научный оборот британским исследователем Р. Батлером в начале 1960-х годов (Butler, 1980). По Батлеру, эйджизм определялся как процесс стереотипизации и дискриминации, направленный против пожилых людей только потому, что они пожилые, аналогичный расизму и сексизму. «Это негативное отношение к старшим поколениям, которое отражается на качестве жизни самих пожилых и престарелых людей, ограничивает возможности их участия в политической, экономической, социальной и культурной жизни общества, где третий возраст может проявить и выразить себя, использовать накопленные за годы таланты и знания» (Прайд, 2008).

Новые обстоятельства жизни, привносимые новыми биотехнологиями, позволит, по Прайд, смягчить межпоколенный разрыв, который сейчас наблюдается. «Этому может способствовать, увеличение продолжительности жизни, сопряженное с улучшением здоровья людей старшего возраста, что приведет и уже приводит к широкому распространению различных форм обучения пожилых и освоению ими в большем масштабе новых технологий. Во-вторых, началось распространение

фрилансерства (от англ. *freelancer* — наемник), удаленных способов работы, что может стимулировать пожилых людей к удаленной работе с помощью компьютера и, соответственно, освоению новых возможностей» (там же).

В итоге, утверждает автор, благодаря благоприятным революционным глобальным изменениям, суть которых составляет использование информационных технологий и расширение прав гражданского общества, а также — будущему широкому распространению новых методов лечения и предотвращения старения, мы можем строить партнерские отношения, необходимые для создания общества людей всех возрастов. В представлении этой несколько романтической концепции безвозрастного общества В. Прайд идет в одном направлении с учеными, на протяжении веков мечтавших о продлении человеческой жизни. Например, в 1862 г. французский писатель Эдмонд Абот (Edmond About) в рассказе «Человек со сломанным ухом»⁴ повествовал о профессоре биологии, который высушивает живого человека, а затем, через несколько десятков лет, успешно оживил его, то на практике такие эксперименты были все же невозможны.

Напротив, уже сегодня в практическую плоскость переводятся технологии «улучшения» человеческой природы — это, пожалуй, самый дерзкий вызов человеку, брошенный им самим. Сама разработка трансгуманистической концепции осуществляется в тесной связи с определенными прикладными задачами. Характерно, что среди наиболее известных российских авторов, активно и достаточно основательно представляющих трансгуманизм научному сообществу, выделяется цитированная выше Виктория Прайд, которая известна тем, что стала одним из основателей и позже генеральным директором «КриоРус» — первой криофирмы, созданной за пределами США, и пока единственной в России.

Целью крионики является сохранение только что умерших или терминальных (обреченных на смерть) пациентов до того момента в будущем, когда, вероятно, станут доступны технологии репарации («ремонта») клеток и тканей и, соответственно, будет возможно восстановление всех функций организма. Такой технологией, по всей видимости, может стать нанотехнология и, в частности, разработанные в ее рамках молекулярные нанороботы. В источниках высказывается предположение, что помимо реанимации крионированных пациентов, наномедицина

⁴ На этот сюжет указывает в предисловии к книге Роберта Эттинджера «Перспективы бессмертия» Жан Ростан (Французская Академия) (Эттингер, 2003).

позволит вылечить многие болезни и проявления старения в организме человека. Также перспективны для реанимации криопациентов выращивание органов и создание искусственных органов (Крионика, 2011). Соответственно этому строится и деятельность компании «КриоРус». Эта фирма, являющаяся проектом Российского трансгуманистического движения, была основана в 2005 г., открыла собственное хранилище под Москвой в 2006 г. Основным видом деятельности компании являются научно-исследовательские работы в областях криобиологии крупных биологических объектов, в целях чего компания сохраняет по определенной методике криопациентов. К сентябрю 2011 г. в компании «КриоРус» было крионировано 17 человек, 4 собаки, 2 кота и 2 птицы. «КриоРус» предлагает услуги по нейросохранению (крионирование мозга), крионированию всего тела и другие, связанные с крионикой, услуги клиентам из России, СНГ и Европы. С сентября 2011 г. компанией начата работа по созданию криобиологической лаборатории в содружестве с американскими учеными (КриоРус, 2011).

Другой известный автор по проблемам трансгуманизма — Данила Медведев с мая 2005 г. является директором указанной криофирмы (там же).

Из этого может следовать вывод, что трансгуманизм является всего лишь псевдотеоретическим флером, прикрывающим бизнес в сфере, конкурирующей с похоронными услугами. Однако данное обстоятельство не может безусловно быть принято, поскольку трансгуманистические идеи гораздо более значимы для научного дискурса, чем это следует из их утилитарного применения, и связаны с более широкими экспериментами над природой человека, частично становящимися социальными практиками. Последнее обстоятельство особенно важно для формирования концепции биосоциологии.

Кроме того, следует учитывать, что трансгуманизм в России — заимствованная теория, и его зарождение восходит к интеллектуальным экспериментам западных литераторов и ученых. Так, сам этот термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957 г. (Huxley, 1957). Согласно И. В. Артюхову, своими идейными предшественниками современные западные трансгуманисты считают в основном мыслителей 1920–1950-х годов биолога Дж. Б. С. Холдейна, физика Дж. Д. Бернала, палеонтолога П. Тейяр де Шардена и др. (Артюхов, 2008). В своей современной форме трансгуманизм был в основном сформулирован в лекциях и публикациях FM-2030 (о нем см. ниже). Вклад в его развитие внесли Р. Эттингер, М. Мински, Э. Дрекслер. На их идеи опираются основные науч-

ные направления, с которыми трансгуманисты связывают свои надежды, — иммортализм, искусственный интеллект, нанотехнологии. В популяризацию трансгуманизма внесли вклад Дэмиен Бродерик (Damien Broderick), Макс Мор (Max More), Наташа Вита-Мор (Natasha Vita-More), Ник Бостром (Nick Bostrom) и многие другие. «Таким образом, все имена, которые принято связывать с идеями трансгуманизма, принадлежат представителям Запада, почти все — англоязычным», — делает вывод Артюхов, но в то же время утверждает, что «многие из идей, относимых сегодня к трансгуманистическим, впервые возникли или получили свое развитие в России». При этом он обращается к таким именам, как Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, А. П. Сухово-Кобылин, В. Ф. Купревич и др., а еще раньше — А. Н. Радищев (трактат «О человеке, его смертности и бессмертии») и В. Ф. Одоевский (роман «4338 год») (там же).

И все же трансгуманизм не чисто ментальное явление, это организованное движение. Артюхов сообщает, что крупнейшей группой российских трансгуманистов является Российское трансгуманистическое движение (Д. А. Рязанов, И. В. Вишев, Д. А. Медведев, И. С. Алмазов, А. Н. Гордеев, А. А. Еремин, И. В. Артюхов и др.) Она существует в виде интернет-сообщества, сложившегося вокруг сайтов transhumanism-russia.ru и bessmertie.ru.

На международном уровне действует, среди прочих объединений и организаций, Институт этики и новых технологий (ИЕЕТ), в 2002 г. принята Трансгуманистическая декларация (The Transhumanist Declaration). Трансгуманизм, по определению его сторонников, представляет собой радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но скорее, ее началом. «Мы строго определим это понятие как: (1) Изучение результатов, перспектив и потенциальных опасностей использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей. (2) Рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека. Трансгуманизм можно описать как продолжение гуманизма, от которого он частично и происходит. Гуманисты верят, суть людей в том, что лишь отдельные личности имеют значение. Мы можем не быть идеальными, но

мы можем улучшить положение вещей и содействовать рациональному мышлению, свободе, терпимости и демократии. Трансгуманисты согласны с этим, но они также придают особую важность тому, кем мы потенциально можем стать. Мы не только можем использовать разумные способы улучшения положения человека и окружающего мира; мы также можем использовать их, чтобы улучшить себя, человеческий организм. И доступные нам методы не ограничены теми, которые обычно предлагает гуманизм, такими как образование. Мы можем использовать технологические способы, которые в итоге позволят нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим» (Общие вопросы..., 2009).

В другой версии трансгуманизм (постгуманизм, ньюгуманизм) рассматривается как новый этап в развитии гуманизма, научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но, скорее — началом эволюции вида *Homo Sapiens*. *«Трансгуманизм — это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»* (Введение в трансгуманизм, 2010). В изложении основных идей трансгуманизма видны его характерные черты: «Опираясь на научные достижения и прогнозы, трансгуманизм признает возможность и желательность (некоторые трансгуманисты добавляют: «необходимость и неизбежность») фундаментальных изменений в положении человека. Мы считаем, что с помощью передовых технологий люди в недалеком будущем смогут ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить свои физические, умственные и психологические возможности» (там же).

В Манифесте Российского Трансгуманистического Движения содержится следующее понимание центрального понятия: «Трансгуманизм — это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и *возможность* и *желательность* — с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас "естественными" пределы человеческих возможностей». Соответственно формулируются и цели движения: «Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, осознавая, что в ближайшие десятилетия новей-

шие технологии кардинально изменяют человека и человеческое общество, заявляем, что нашей целью являются:

1. Развитие и распространение идей трансгуманизма и иммортализма с целью наиболее разумного и демократичного использования новейших достижений технического прогресса.

2. Содействие развитию новых и традиционных наук и технологий в той их части, которая непосредственно касается трансгуманистических и имморталистических аспектов бытия человечества, а также безопасности использования этих технологий.

3. Консолидация усилий всех прогрессивно мыслящих людей для создания предпосылок наиболее благоприятного и неконфликтного развития человечества в новых условиях.

Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, считаем, что скорость изменений в мире и потенциальная опасность неуправляемого развития сверхтехнологий таковы, что каждый должен дать себе отчет: или мы будем бездействовать — и человечество погибнет, или мы вместе построим прекрасное будущее. В том числе и для себя» (Манифест..., 2007).

С учетом этих деклараций может быть представлена теоретическая конструкция трансгуманизма, которая по существу является новой концепцией эволюции человека в современных условиях.

Переходным типом объявляется *трансчеловек*, впервые детально описанный пионером радикального футуризма FM-2030 (Fereidou M. Esfandiary). Сама фигура автора заслуживает внимания. Ферейдун М. Эсфендиари, родившийся в 1930 г. в Бельгии, — писатель-фантаст, футуролог и философ, один из основателей трансгуманистического движения. Его имя FM-2030 образовано из инициалов и даты 2030 г., что отражает его твердое намерение прожить 100 лет, т. е. до 2030 г. После смерти Эсфендиари в 2000 г. его тело было крионировано компанией Алькор (Alcor Life Extension Foundation) в городе Скоттсдейл, Аризона (где оно находится по сей день), что также укладывается в мировидение, основанное на трансгуманизме. FM-2030 заложил фундамент трансгуманизма своими книгами «Optimism One» (1970), «Up-Wingers» (1973) и «Telespheres» (1977). В частности, в его трактовке «Up-Wingers» — это те, кто призван помогать ускорению сдвига к новому историческому эволюционному уровню. Позже на развитие трансгуманистического движения определенное воздействие оказала книга FM-2030 «Трансчеловек ли ты?» (1989), в которой содержалось определение транслюдей как новых существ, проистекающих из современных прорывов в науке и технике. Он утверждал: «Проходят те вре-

мена, когда мы мало внимания уделяли планированию нашего будущего. Мы просто не осознавали динамики изменений. Планирование будущего — явный признак интеллекта», — говорил он (FM-2030, 2011). По первоначальному определению FM-2030, транслюди не обязательно должны быть наиболее ориентированными на будущее или самыми сведущими в технологии людьми и не обязательно должны осознавать свою «связующую роль в эволюции». По мере того, как идеи FM-2030 распространялись и росло трансгуманистическое движение, понятие трансчеловека стало включать в себя аспекты самоидентификации и активной деятельности. FM-2030 называет такие признаки трансчеловечности, как улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность (Трансчеловек, 2011).

Соответственно строятся характеристики трансчеловека в последующей литературе. Так, по определению из «Словаря трансгуманистической терминологии», трансчеловек — это некто, активно готовящийся стать постчеловеком. В этом случае вектор трансчеловеческой активности определяется приближением к состоянию постчеловека. Постчеловек (posthuman), как следует из данной концепции, — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Собственно, это «гипотетический образ будущего человека, который отказался от привычного человеческого облика в результате внедрения передовых технологий: информатика, биотехнологии, медицина» (Постчеловек, 2011).

Идеал постчеловека выглядит так: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам». В итоге «постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе,

что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни» (Общие вопросы, 2009).

Следует за этим идеальным образом видеть уже утвердившиеся в виртуальном пространстве и освоенные прежде всего молодежью образы киборгов (от англ. *cybernetic organism* — кибернетический организм), под которым в медицине понимается биологический организм, содержащий механические или электронные компоненты, а в научной фантастике используется в качестве одного из обозначений андроидов. Согласно Википедии, термин введен Манфредом Е. Клайнсом и Натаном С. Клином в 1960 г., в связи с их концепцией расширения возможностей человека для выживания вне Земли. «Эта концепция являлась результатом размышлений на тему необходимости более близких, интимных отношений между человеком и машиной, по мере того как космические исследования становятся реальностью. Разработчик медицинского оборудования и устройств электронной обработки информации, Клайнс являлся ведущим ученым лаборатории Динамического Моделирования в госпитале Роклэнд в Нью-Йорке» (Киборг, 2011). В художественной форме идеи соединения человека и механических приборов представлены в фантастическом романе Мартина Кайдина «Киборг» (1972) и ряде других произведений. Особую роль в популяризации термина сыграли фильмы «Терминатор» (1984) и «Робот-полицейский» (1987).

В теоретическом плане понятие «киборг» отражает возрастание зависимости человека от искусственного мира, где протезы и имплантаты уже означают путь к превращению человека в киборга (киборгизации, согласно термину Джеймса Литтена). «В феминистских концепциях Донны Харавай киборг стал начальной метафорой исследования путей избавления от природных/культурных противостояний. Она демонстрирует, как желание разделить противостоящие аспекты существования становится все более трудновыполнимым, и пытается использовать пограничное смешение понятий для разработки новых способов политического действия» (там же). Эта концепция получила известность под названием «теория Киборга».

В статье «Киборг», размещенной в Википедии, приводятся многочисленные примеры из практики киборгизации, в том числе следующие. Повсеместно применяются кохлеарные имплантаты, позволяющие восстановить слух пациентам с выраженной или тяжелой потерей слуха сенсорно-невральной этиологии. Проводятся эксперименты с применением стволовых слуховых имплантатов, позволяющих восстановить слух некоторым

пациентам с глухотой невралной этиологии. Специалисты из Института реабилитации инвалидов в Чикаго (США) успешно имплантировали бионическую руку женщине по имени Клодия Митчел, потерявшей свою руку в дорожной аварии. До этого подобные манипуляторы были успешно имплантированы пяти мужчинам. Сегодня система C-LEG используется для замены ампутированных человеческих ног. Значительный эффект оказывает использование сенсоров в искусственных ногах. Это один из первых шагов к киборгизации. В 2008 г. немецкие ученые-офтальмологи впервые имплантировали человеку глазной электронный протез, полностью помещающийся внутри глаза, добившись частичного восстановления зрения. Ранее все экспериментальные имплантаты, частично восстанавливающие зрительную функцию человека, имели массивные внешние элементы. В 2009 г. агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США продемонстрировало радиоуправляемых жуков, в нервные узлы которых были вживлены электроды. Средняя продолжительность управляемого полета составляла 45 секунд, но один из экземпляров управлялся около 30 минут. Весной 2011 г. хирурги провели уникальную операцию: искусственное сердце нового типа полностью заменило собой настоящее, но, к сожалению, пациент Крейг Льюис не прожил долго, он умер через месяц от амилоидоза.

Разновидностью киборга является конструированный объект, обозначаемый термином «омар» (англ. *Lobster*), который был введен Брюсом Стерлингом в рассказе «Царица Цикад» (*Cicada Queen*). Это киборг создан путем интеграции человека с автономным скафандром, который невозможно снять. «Если классический киборг может внешне походить на человека, а внутри им не быть, то омар, наоборот, может быть человеком изнутри при внешних отличиях» (там же). Существенно, что киборг-терминология вошла в компьютерные игры для юношества. Так, в компьютерной игре «Deus Ex: Invisible War» омарами называется «большая группа киборгов, модификации которых были созданы русскими учеными, объединившими свои нервные системы в единое сознание. В игре они представлены как активная фракция, а в одной из концовок игры можно стать одним из них». Другие киборги в компьютерных играх называются «кимек» (кимех, саймех, англ. *Symech*) — вселенная «Батлерианский джихад» (приквел к «Дюне»); «строги» (англ. *Stroggs*) — киборги вселенной «Quake»; «борг» — цивилизация киборгов из вселенной «Звездный путь»; «синтеты» — вселенная «Half-Life 2»; «биороид» — мир Apple Seed; «киберлюди» — персонажи сериала «Доктор Кто» и др. (там же).

Процесс киборгизации идет столь активно, что заставляет переосмыслить многие ранее периферийные темы гуманитарных наук. Так, еще относительно недавно тематика идентичности не была в центре внимания исследователей, но в последние десятилетия она буквально вытесняет другие темы из области социологии и психологии личности. В ключе этого приоритетного внимания к идентичности рассматривается и проблематика вхождения в человеческую повседневность киборгов. В западной литературе широко обсуждается проблема идентичности киборгов (Столярова, 2000).

Тем не менее остается вопрос, чем в действительности может быть обеспечено движение к постчеловеку? В литературе по трансгуманизму этому посвящены многочисленные работы, из которых хороший обзор идей содержится в написанной лидерами Российского трансгуманистического движения Д. А. Медведевым и В. В. Удаловой (В. Прайд) статье «Конвергенция технологий как фактор эволюции» (Медведев, Удалова, 2007). Авторы стремятся сделать некоторые предположения относительно социальной эволюции человечества в новых условиях. Эти предположения включают следующие:

1. Можно ожидать, что по мере развития проникающих компьютерных систем (pervasive computing — «проникающих» и носимых компьютеров) социальная информация будет во все большей степени доступна человеку и все более востребована и используется.

2. С учетом развития информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта возникнут условия для широкого применения математических методов в социальных науках, что приведет к возникновению подробного и весьма полного знания о закономерностях развития социальных структур разных уровней сложности, а также созданию инструментов целенаправленного управления обществом. «Появление подобной науки будет означать конец стихийной эволюции и переход к сознательному управлению обществом... Со временем результаты социального конструирования будут в значительно большей степени соответствовать целям. Следует, однако, заметить, что элемент стихийности может сохраниться за счет существования конкурирующих интересов у разных сторон» (там же).

3. С появлением эффективных инструментов социального конструирования и по мере развития конвергенции технологий цивилизация будет развиваться на пяти уровнях организации общества: технологическом, экономическом, социальном, культурном и биологическом. «Базовым уровнем следует считать биологический...», и, по мнению авторов,

возобновится биологическая эволюция человека. Биологические изменения человека в ближайшем будущем будут реализованы уже на новом уровне, с помощью прямого вмешательства в генетический код и в процессы жизнедеятельности человека. «Здесь можно выделить два ключевых направления: перестройка тела человека и перестройка его разума.

Перестройка тела будет использовать биотехнологии, перестройка разума будет использовать когнитивные технологии. Конечно, механизмы перестройки во многом будут схожими — расшифровка генетического кода, клеточные технологии, моделирование биохимических процессов, вживление электронных устройств, использование наномедицинских роботов и т. д.

Разница заключается в том, что перестройка человеческого тела с точки зрения многих людей (эти точки зрения, разумеется, могут измениться) не меняет кардинально природу человека, в то время как перестройка разума, работы мозга — меняет... Также интерес представляет сценарий отказа от каких-то человеческих качеств (то есть создание не «больше, чем человека», а «меньше, чем человека» или «иного, чем человека»). Примерами сегодня являются ампутаторы, добровольные евнухи, противники секса (асексуалы), противники детей («чайлдфри») и другие современные субкультуры, члены которых отказываются от частей тела, некоторых аспектов поведения или социальных действий. В случае модификации сознания и разума ситуация кардинально иная» (там же).

4. Вопрос о границах «человечности» вполне может стать в будущем одним из основных политических вопросов. В то же время, отмечают авторы, надо отчетливо понимать, что улучшение разума человека (его работы) возможно уже сегодня в рамках подхода, называемого «дополнение разума» (intelligence augmentation). Сюда входит использование инструментов для поиска, обработки и структурирования информации, системы личной производительности, поисковые системы и другие онлайн-инструменты, ноотропные средства и носимые электронные устройства.

Публикация Д. А. Медведева и В. В. Удаловой убедительно показывает, что идет активная работа по осмыслению новых возможностей, которые представляет научно-технический прогресс для трансформации самих основ человеческой жизни и функционирования человеческих сообществ. Существенно то, что такого рода осмысление идет параллельно с биоэтическими предупреждениями об опасностях для человечества экспериментов с человеческой природой. Эти два направления менталь-

ной деятельности конкурируют, но ни то ни другое не может рассчитывать на свою окончательную победу.

Концептуализация будущего с позиций трансгуманизма сохраняет оптимизм и агрессивность первооткрывателей, сконцентрированных в призыве FM-2030: «Не стоит бояться мечты и надежды. Ведь именно дерзость мечтателей завела нас так далеко — из мрачных первобытных болот, к тому, где мы сейчас — в шаге от покорения галактик, в шаге от бессмертия» (FM-2030 1989: 1).

Пожалуй, здесь тенденциозность трансгуманизма смыкается с не-аристотелистским стремлением к развитию биосоциологии в космологическом контексте. Такое сближение не кажется неоправданным, поскольку и аристотелианская биосоциология, и трансгуманизм выступают как социокультурные проекты долгосрочного назначения, когда конечны результаты очень трудно прогнозировать.

Однако биосоциология может развиваться и в других, нежели обозначенные выше, направлениях. В рамках научной школы *тезаурусного анализа мировой культуры* Московского гуманитарного университета (см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008; *Тезаурусный анализ мировой культуры, 2005–2011*) мы избрали свой ракурс разработки идеи биосоциологии, которая основывается на следующих основных положениях:

1. Биосоциология определена как формирующаяся научная концепция междисциплинарного характера и практика исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящие из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей).

2. Изучаемые биосоциологией явления и процессы в молодежной среде проступают более явно, чем в других возрастных группах, и такие явления и процессы оказывают более существенное влияние на общесоциальные явления и процессы, чем те, которые связаны с другими возрастными группами. Этим определяется необходимость концептуализации биосоциологии молодежи как автономного сегмента биосоциологии.

3. Конкретизация задач разработки биосоциологии молодежи состоит в выявлении возможных трансформаций общества через накопление критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений в новых поколениях. Эти возможные трансформации и составляют проблему, стоящую не только перед наукой (в плане гносеологической задачи), но и перед сис-

темой социального управления. Новые напряжения, вытекающие из ожидаемого изменения статуса-роли молодежи в обществе, необходимо осмыслить, а также спрогнозировать с применением социогуманитарной экспертизы.

4. Концептуальная модель биосоциологии молодежи исходит из утверждения, что в молодежи еще может быть обнаружена та сторона человеческой природы, которая не подверглась обработке культурой. Дети в этом отношении не составляют такую группу, поскольку выступают преимущественно как объект социализации, не обладают свободой выбора. Молодежь подверглась социализационному воздействию, социализационные коды первого уровня усвоены, но они еще — не броня от внешних влияний, еще не зацементировались в тезаурусах, подвижны, вариативны. Тезаурусы валентны. В то же время молодежь уже вырвалась из-под жесткого контроля старших. Сочетание этих двух обстоятельств делает молодежь уникальным объектом для формирования концепции биосоциологии.

Литература:

Артюхов И. В. (2008) Трансгуманизм — философские истоки и история возникновения. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/29/110/>

Ашшурский Э. (2005) Рог вождя благоденствия или ящик Пандоры? Moscow University Alumni Club. URL: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=3455>

Введение в трансгуманизм (2010). URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/94/>

Гринченко С. Н. (2004) Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М. : ИПИРАН, МИР.

Киборг (2011). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Киборг>

Крионика (2011). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Крионика>

КриоРус (2011). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/КриоРус>

Луков Вал. А. (2011) Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 22 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. С. 22–37.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.

Манифест Российского Трансгуманистического Движения (2007). URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>

Медведев Д. А., Удалова В. В. (2007) Конвергенция технологий как фактор эволюции. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/317/116/>

Общие вопросы о трансгуманизме (2009). URL: <http://www.eternalmind.ru/content/view/67/57/>

Постчеловек (2011). Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Постчеловек>

Прайд В. (2008) Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения, прогнозы. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/685/110/>

Столярова О. Е. (2000) Идентичность киборгов : Обзор материалов конференции «Cyborg identities» (October 21–22, 1999) // Социал. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 3. Философия. №2. С. 45–63.

Сухих В. А. (2008) Призрак бродит по Европе. Российское Трансгуманистическое Движение. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/215/110/>

Тезаурусный анализ мировой культуры (2005–2011) : сб. науч. трудов: Вып. 1–22 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.

Трансчеловек (2011) URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Трансчеловек>

Хруцкий К. С. (2011) О Биокосмологии, Аристотелизме и перспективах становления универсальной науки и философии // Электронный журнал «Биокосмология (Biocosmology) — neoAristotelism». Т. 1, №. 1. С. 18–33. URL: <http://en.biocosmology.ru/electronic-journal-biocosmology---neo-aristotelism/issues-of-the-journal/volume-1-number-1-winter-2010>

Шолохов В. Г. (2003) Социальное — природное : монография. М. : СИП-РИА.

Этинджер Р. Перспективы бессмертия. М. : Научный мир, 2003.

Butler R. (1980) Ageism: A foreword // Journal of Social Issues. Vol. 36 (2). No. 2.

FM-2030 (1989). Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. Warner Books.

FM-2030 (2011). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/FM-2030>

Huxley J. New Bottles for New Wine. London : Chatto & Windus, 1957.

Muller H. J. (1957) Man's Place in Living Nature // The Scientific Monthly. V. 84. No. 5, May.

Olshansky J., Perry D., Miller R., Butler R. (2006). In Pursuit of the Longevity Dividend: What Should We Be Doing To Prepare for the Unprecedented Aging of Humanity? // The Scientist. — March. URL: <http://www.grg.org/resources/TheScientist.htm>

Philip Siekevitz (2012) // Society of Neuroscience. URL: http://www.sfn.org/index.aspx?pagename=memberObituaries_siekevitz

Siekevitz Ph. (1958) Man of the Future // The Nation. Vol. 187. Sept. 13.

The Second International Seminar on Biocosmology “Biocosmological evolutionary cyclic triadicity — the triunity and three-dimensionality of scientific methodologies” July 24–27, 2011. Conference Hall of the Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise. Veliky Novgorod, Russia. Abstract Book. Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise, P. 73–74. URL: <http://www.bazaluk.com/postimages/file/Abstract%20Book%20Biocosmology-2.pdf>

Ч. К. Ламажсаа

ИДЕЯ АРХАИЗАЦИИ

Идея архаизации с 1990-ых годов стала одной из самых актуальных в отечественном обществознании. Отдельные научные социальные дисциплины активно изучают вопросы «второй жизни» архаики в общественных сферах (Пика, 1996; Ачкасов, 1997; Булдаков, 1997; Вишневецкий, 1998; Милов, 1998; Нечипоренко, Вольский, 2002; Гудков, 2002; Николаева, 2005 и др.) и в целом научное знание накопило достаточно большой опыт изучения архаического культурного наследия общества, вышло на серьез-

ный теоретический уровень понимания места архаики в социальной истории (впервые о необходимости разработки серьезной методологической базы для изучения архаизации стал писать А. С. Ахиезер, см.: Ахиезер, 2001). Однако, до сих пор решение проблемы архаизации, которое очевидно должно решаться на уровне социально-философского исследования, не производилось. Такая работа именно в социально-философском направлении впервые начала производиться в Московском гуманитарном университете, в том числе с применением и дальнейшей разработкой тезаурусного подхода (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008). В ходе работы вышли в свет публикации автора (Ламажаа, 2008; 2009a; 2009b; 2010a; 2010b; 2010d; 2011d), в том числе разделами в монографических исследованиях (Ламажаа, 2010c; 2011c); в 2011 г. была защищена докторская диссертация (Ламажаа, 2011e), готовится к изданию монография.

Один из ключевых терминов проблемы — «архаика» (от греч. *archaikos* — «старинный», «древний»). Для теории, исследующей социальные процессы, архаика — это ранний этап становления общества, формирования основных черт его культуры; это временной отрезок. Архаика здесь синонимична древности. При этом древность у каждого общества, его архаический период имеет свои хронологические рамки. Говорить о некоей всеобщей архаике, даже если речь идет о наиболее общих типах обществ, представляется малопродуктивным делом. *Архаикой* можно назвать и культуру общества, соответствующую архаическому периоду его истории. В этом смысле архаика и архаическая культура — это одно и то же. И здесь ее анализ производится в соответствии с трактовкой авторами такого сложного и многогранного понятия, как «культура». Можно говорить о культуре (и об архаике) как духовной и материальной сферах общества, программе общепризнанных идей и ценностей, системе категорий мышления и пр.

Хорошо известной в отечественной гуманитарной мысли является традиция анализа российской архаики как особого расколотого, полярного содержания культуры, заложенного в архаический период истории. Об этом писали Н. О. Лосский, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, а также А. П. Давыдов, А. С. Ахиезер и др.

Мы рассматриваем архаику как культуру, сформированную на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющую собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами, и выраженных в общественном сознании (менталитете). Архаическая культура как система практик общественных действий состоит из самых простых, но при

этом надежных, эффективных способов взаимодействия древнего общества и его индивидов с природной и социальной средой. Поэтому архаика разных обществ содержит много общего. В. Г. Федотова подчеркивает, что архаика — это «нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа» (Федотова, 2009: 3–19).

Обращение общества к архаике в период кардинальных социальных изменений — собственно тема социальной архаизации — в работах отечественных авторов далеко не всегда определяется в своей главной характеристике — как социальный процесс. Один из немногих авторов, который четко придерживаются данной трактовки, — А. С. Ахиезер. Мы полагаем, что с периода 1990-х годов в России и других государствах постсоветского пространства наблюдается архаизация именно как социальный процесс, который имеет специфическую природу, субъектов, факторы и особенности проявления.

Возвращение к прошлому, в том числе архаическому, можно назвать универсальным социальным механизмом, присущим практически всем обществам на протяжении всей их истории. При этом мы подчеркиваем, что речь идет о процессах обращения к архаике, обусловленных, спровоцированных социальными изменениями. Исследователи в таких случаях говорят о появлении пережитков, рецидивов в ходе эволюции обществ (Э. Тейлор), об «архаизме» как попытке вернуться в прошлое (А. Тойнби), действии механизма инверсии, возвращающего опыт догосударственной культурной жизни (А. С. Ахиезер) и пр. Для определения подобных процессов можно использовать термин «архаизационные тенденции», понимаемый нами как направленность, склонность, стремление индивидов, социальных групп, социума к архаическому социокультурному опыту, что проявляется в разных по формам ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений. В самом общем виде абстрактная модель архаизационных тенденций содержит в себе: фактор или совокупность факторов (причины) для возникновения тенденции архаизации; направление тенденции — обращение субъектов к архаическому прошлому общества; некое разворачивание процесса во времени, а также определенные результаты.

История показывает, что возрождение архаики само по себе не является деструктивным процессом, оно не равнозначно хаотизации и деструкции. Оно выступает как ресурсосберегающий и обеспечивающий

выживание социальный механизм — за счет максимального упрощения и одновременного упорядочения социокультурной жизни (Хачатурян, 2009: 143–144). Он позволяет обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях. Эволюционное развитие обществ проходит сложный путь, социальные изменения могут разрушать сложившиеся социальные структуры, институты, связи и в переходные периоды, когда новые, возможно, более сложные структуры еще не построены, не начали нормальное функционирование. Поэтому обращение общества к архаической культурной программе представляется чаще всего временным средством обращения общества к надежным, проверенным способам взаимодействия с природной и социальной средой, до завершения переходного периода. Однако в ряде случаев актуализация архаики может обернуться инволюцией как системным упрощением, обратным развитием.

Для понимания вариативности архаизационных тенденций можно выделить основные критерии для их классификации (исходя из предложений В. М. Хачатурян, см.: Хачатурян, 2009: 40–41). Возвраты к архаике рассматриваются как системные или несистемные в зависимости от сфер распространения. Первые представляют собой процессы, затрагивающие социальные структуры как полностью, так и частично. Полностью упрощающие социальную структуру процессы — это очевидно полные регрессы (инволюции) обществ, которые чаще происходили в эпоху древности и были характерны для обществ ранней государственности. Частично затрагивающими социальные структуры процессами можно считать архаизации, происходящие в ходе общесистемных структурных изменений, ведущих тем не менее не к упрощению, а к дальнейшему развитию общества, в том числе в сторону его усложнения. Несистемные обращения социума к архаике, т. е. не затрагивающие функционирование структур, могут проявляться как тенденции в определенных сферах общественной жизни или выступать в единичных формах (например, возрождение архаического социального института, элементов архаической культуры). В качестве таких тенденций можно назвать и использование современной массовой культурой архетипических мифологических структур сознания (см.: Костина, 2011: 306–344).

В зависимости от субъектов (носителей) можно говорить о всеобщей архаизации — архаизации общества (абсолютного большинства населения или его значительной части). Архаизация на уровне индивида происходит при наличии в нем архаического потенциала, предопределенного тем, что в основе фило- и онтогенетического развития человеческого мозга и пси-

хики лежит ведущий принцип развития всех систем возрастающей сложности. Макро- и микроуровни архаизирующих тенденций взаимосвязаны, но архаизация на уровне индивида лишь представляет «исходный пункт», потенциальную возможность для разворачивания социальной архаизации (Хачатурян, 2009: 42).

Варианты архаизации общества возможны также по территориальному критерию: единые общетерриториальные и анклавные (региональные, локальные). Основой для выделения подобных вариантов, очевидно, следует считать этнокультурную целостность обществ, так как мультикультурные общества всегда будут демонстрировать этнокультурное разнообразие социальной жизни и социальных процессов, особенно ярко заметное при анклавности проживания этнокультурных образований. Региональные варианты архаизаций могут выступать как вариации общей архаизации или разворачиваться как самостоятельные архаизационные «островки» в относительно благополучном обществе. В первом случае можно говорить об архаизации разной степени проявленности, как в регионах постсоветской России. Во втором — о деградации общественной жизни, например, в отдельных городах, функционирование которых было нарушено по разным причинам. Эти территории могут стать «городами-призраками», даже будучи в составе стабильно развивающегося государства.

По степени преодоления обществом стихийного обращения масс к архаическому опыту рассматриваются преодолеваемая архаизация (адаптационная) и та, которая «одолевает» само общество, приводит к регрессу, упадку и даже гибели (разрушительная и близкая по сути к инволюции). Это вариации вышеназванных типов возвратов к архаике.

Можно усматривать вариации и в зависимости от степени «чистоты» архаического наследия, которое возрождается и теоретически может быть вычленено и отделено от более поздних пластов традиционной культуры. Можно выделять и факторы, приводящие к возрождению архаики в обществе, вплоть до его регресса: как внешний (природно-климатический, войны, межкультурное взаимодействие и пр.), так и внутренние (социокультурные мутации обществ, демографический рост и пр.) (Коротаяев, 2003). Само различие внешних и внутренних факторов достаточно условно, так как, например, усложнение обществ, возникающее в ходе появления государственности, ее изменения (под действием внутренних факторов), подразумевает и наличие внешних факторов (например, «вызов» соседних государств).

Рассматриваемый нами тип архаизационных тенденций представляется наиболее сложным, наименее изученным и очень актуальным в свете современных социальных проблем России: возрождение архаики (архаизация общества) в период социальных кризисов трансформационных процессов. Особенность его заключается в иной природе. Если общества древности переживали кризисные регрессы в рамках системных эволюционных перемен, усложнений, то новым типом архаизации стали возвраты к архаике в ходе революционных, трансформационных изменений общества.

Можно говорить о двух «полях» общественной эволюции (Флиер, 2011: 494–495), на которых разворачиваются архаизационные тенденции: эволюционном типе динамики (и соответствующим ему архаизационным тенденциям традиционных обществ) и революционном «скачке» (и — архаизации общества периода социальной трансформации). На сегодня второй тип является наиболее распространенным в связи с изменившейся системой обществ в мире. В ходе его трансформируется само общество, что может сопровождаться значительным кризисом. Архаизация в этом случае возникает как реакция на кризис, усложняя процесс трансформации.

Как и всякий социальный процесс, архаизация общества может рассматриваться как социальная развивающаяся система, и соответственно к ней применим системно-генетический подход. С его помощью выделяются сущностные черты процесса.

Во-первых, архаизация общества носит процессуальный характер, т. е. представляет собой процесс взаимовлияния культуры и социальных отношений, выражающийся в актуализации культурных смыслов под воздействием социальных изменений и влияющий, в свою очередь, на социальную жизнь.

Во-вторых, архаизация общества представляет собой своего рода направленный процесс в виде обращенности общества к прошлому культурному опыту, попытки вернуть старые архаические программы в условиях кризиса реформирования (ставящего целью введение новых программ). Эта направленность имеет адаптивное свойство социума, представляет собой один из его социальных механизмов, обеспечивающих его выживание и развитие.

В-третьих, архаизация общества возникает как стихийный, нерелексируемый процесс, охватывающий значительную часть населения (массы).

В-четвертых, архаизация общества тесно взаимосвязана с наиболее значительным типом социальных изменений — социальной трансформацией, возникая как реакция на сложности изменения природы общества, воздействуя на сам процесс социальной трансформации.

До сих пор в научной литературе вопрос о соотношении между ними не освещался, хотя сама взаимосвязь эта очевидна для многих авторов. Например, в трудах по проблемам реформирования России отмечается непременно присутствие контрреформационных ответов общества (Ахиезер, 1997; Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996 и пр.). В работах, посвященных проявлениям архаизации, много внимания уделяется общности факторов собственно трансформаций и архаизаций.

Проблематика социальных трансформаций встала впервые перед западной наукой, которой необходимо было осмыслить процессы и результаты промышленной, социальной, политической революций в Европе со второй половины XVIII века. В XIX века проблема социальных трансформаций решалась в рамках эволюционных и революционных теорий. XX век — богатый на трансформационные процессы — дал много материала для социальных наук (Ламажаа, 2011). Для отечественной социальной мысли понятие «трансформация» приобрело особое значение в конце XX века в связи со сменой социального вектора развития всего постсоветского пространства, а в известном смысле — и всего мира. Дискутируются причины трансформации, среди них называются и экономические, и политические, и социокультурные. Появились трактовки реформирования как революционного процесса. В целом происходящее в обществе большим числом исследователей определяется как социальная трансформация (Заславская, 2003; Социальные трансформации..., 2005; Лапин, 2000).

Мы рассматриваем социальную трансформацию как процесс структурных изменений внутри общества, когда разрушаются одни и появляются другие структуры взаимодействий, интересов, норм, идей, когда изменяются функции между структурными элементами. Социальная трансформация отличается от других типов значительных социальных изменений: морфогенезиса (возникновения совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур), трансмутации (модификации, реформации или пересмотра существующих социальных установок), репродукции (компенсаторных, адаптивных, уравновешивающих, поддерживающих процессов, которые позволяют приспособливаться к окружающим условиям, сохраняя существование общества в неизменной форме) (Штомпка, 1995: 456).

Само направление социально-трансформационных процессов — структурных изменений — рассматривается как процесс перехода общества от традиционного состояния в современное, т. е. в ходе модернизации (осовременивания) общества. Эпоху социальных трансформаций мы относим к эпохе осовременивания — модернизаций традиционных обществ, которая была начата западными обществами при переходе их в Новое время с XVI века и продолжается до сегодняшнего дня. Тем самым подчеркнем, что наше исследование основывается на положениях теории модернизации.

Суть кардинальных социальных изменений, которые сопровождают модернизацию, проясняют понятия «традиционное общество» и «современное общество» (современность). Подобные дихотомии ведут свою историю с работ Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Мейна, Р. Редфилда и др. Мы рассматриваем модернизацию в русле работ В. Г. Федотовой. Традиционные общества, как она пишет, являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт. В процессе модернизации происходит переход к современному обществу, для которого характерны: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; активный деятельный психологический склад; преобладание универсального над локальным и др. (Федотова, 1997: 32–50). Переход традиционного общества к современному (модернизация) — это, по сути, переход к своей противоположности, поэтому он драматичен, не всегда сопровождается удачами реформирования, ему грозят откаты, тупики развития, различного рода осложнения.

В качестве одного из последних и выступает *архаизация общества* — процесс массового стихийного обращения к архаическому культурному наследию, возникающий в условиях кризиса социальной трансформации. Подчеркнем тот факт, что социальная трансформация не всегда сопровождается архаизацией. Последняя выступает лишь показателем его кризисности. В общественных сферах в этом случае распространяются архаические формы социальных связей, отношений, институтов, социальных практик, соответствующие им нормы, ценности культуры, которые начинают корректировать структурные преобразования или существенным образом менять их, определяя тем самым особый характер, вариативность как собственно социальной трансформации, так и хода модернизации конкретного общества.

В понятии архаизации подчеркивается реакционное противодействие, но не самим структурным изменениям, а той ситуации кризиса, кото-

рая сопровождает трансформацию. Причем реакционность эта неосознанная, эмоциональная. Чем более кризисно проходит социальная трансформация, тем большим кризисом это сопровождается и тем сильнее проявляется архаизация. Чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматичной разворачивается социальная трансформация.

Архаизацию нельзя назвать непреодолимым процессом. Многое зависит от характера реформ, от способов их реализации. Главной причиной масштабности архаизации является большое отличие целей реформ, идеалов социальной революции от культурных идеалов общества. Предпосылкой, условием для развития процесса архаизации является степень «преодоленности» самой архаики обществом. Если архаика в значительной мере сохранилась, то общественный возврат к ней в условиях кризиса социальной трансформации будет масштабным, что существенным образом затруднит прохождение трансформационных процессов, модернизацию.

Несмотря на тот факт, что Запад в своем эволюционном развитии и становлении как современного общества в наибольшей степени преодолел свою архаику, исследователи отмечают в нем значительное проявление архаики, связывая этот вариант архаизации с массовизацией — с развитием массовой культуры, которая рассматривается в рамках теории индустриального общества с 1960-х годов (Дж. К. Гэлбрейт, У. Ростон, Р. Арон, Э. Тоффлер, Д. Белл и др.). Массовая культура, как определяет А. В. Костина, способствует стабилизации общественной системы через конструирование особой виртуальной надстройки над реальностью. Эта квазиреальность создается в том числе через мифологизацию реальности и создание особых структур массового сознания, которые базируются на архетипах, близких по своим характеристикам к представленным в архаических мифах (Костина, 2011: 18–19). Субъектом массовой культуры является особая профессиональная группа, которая создает ее артефакты в соответствии с законами социальной психологии и рыночных отношений. Соответственно массовая культура, массовизация представляется нам явлением иного порядка, чем архаизация, которая не проектируется, не создается специально, не имеет специального управления и может захватывать собой в итоге и инициатора реформ в обществе — власть.

И теория модернизации, и теория индустриального общества подчеркивают близость российских социальных процессов XX века к западным, несмотря на все особенности социокультурного развития России. Здесь также осуществлялась модернизация, хотя и иным способом, чем на Западе; также начиная с 1920-х годов разворачивались процессы индустриализации, изме-

нялся общественно-политический строй и провозглашалась «власть масс» (там же: 189). А. В. Костина усматривает уже на начальном этапе советской истории формирование массовой культуры. Однако она имеет свои особенности: доминирование традиционных, доиндустриальных, в том числе религиозных, ценностей, тесно связанных и с социалистическими идеалами — коллективизмом, жертвенностью, аскетизмом, и отрицание достатка, индивидуального успеха, комфорта, стабильности и пр. (там же: 177–186). Именно поэтому, несмотря на тот факт, что создание советского общества строилось путем мобилизационной модернизации, социально-трансформационные процессы в нем не сопровождались кризисом. Новое советское общество, пишет А. С. Ахиезер, само возникло как результат мощной волны локализма и строилось на основе норм общинно-уравнительной культуры (Ахиезер, 1997: 358–359). Общество было индустриально развитым, однако в нем по-прежнему доминировали традиционалистские ценности. Лишь «догоняющая» форма модернизации 1990-х годов в России (Федотова, 1997) привела к социально-трансформационным процессам с кардинальной сменой идеалов, ценностей и пр., что повлекло за собой значительные кризисные явления, в том числе архаизацию.

Причинами архаизации общества следует назвать кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества и не согласующиеся с культурными традиционными особенностями модернизируемого общества. Это, по нашему мнению, приводит к кризису социальной трансформации, социальной анархии и соответственно — дезориентации, дезорганизации значительной части общества, которая становится носителем архаизационных тенденций и в конечном счете субъектом архаизации, поскольку вынуждена с целью выживания обратиться к архаическим культурным смыслам и социальным практикам. Субъекты архаизации могут принадлежать ко всем социальным слоям, и общим для них является ориентация на архаику.

В структуре феномена архаизации общества выделяются на начальном уровне изменения в состоянии социальных объектов — распространение в обществе определенного социального самочувствия (ощущения разного рода потерь). Следующий уровень — оценка обеспеченности людьми своих базовых потребностей (которые можно рассматривать на основе известной пирамиды потребностей А. Маслоу) и ориентация на действия с их скорейшим удовлетворением, которая осуществляется в условиях социальной анархии и соответственно в форме наиболее простых, эффективных, надежных архаических социальных практик. В их числе были самообеспечение и обеспечение защиты древних ло-

кальных групп от других групп. В условиях распространения подобных практик происходит пересмотр социальных и даже космологических категорий сознания людей, происходят изменения в их содержании. В общественном сознании распространяются архаические мифы, образы, концепты, смыслы. На третьем уровне структуры рассматривается влияние этих архаических смыслов на социальные связи, социальные отношения, на характер функционирования социальных институтов.

В современной литературе архаизации часто отводится роль деструктивного процесса, выражающегося в отсутствии резервов общества для решения задач реформирования. Однако мы не склонны рассматривать этот феномен столь однозначно. Он внешне выступает как противодействие реформам, задачам осовременивания общества. И при определенных условиях может действительно привести к определенному тупику развития. Но архаизация, как и прочие архаизационные тенденции, реализует функцию самосохранения системы в условиях кризиса социальной трансформации. Она диктует необходимость корректировки социального реформирования с целью сохранения социокультурных основ самобытности общества. В процессе архаизации, по сути, заложен потенциал двух типов — деструктивный и конструктивный.

Ввиду того что объект исследования представляет собой, по сути, сложный процесс социокультурных изменений, для его анализа и осмысления необходимо придерживаться методологического баланса системно-генетического, социокультурного и тезаурусного подходов.

Системный подход к обществу в целом позволяет изучать составные части системы — общественные состояния — во взаимосвязи и диалектическом единстве, рассматривать их также как системы, подразумевая их иерархическое место в системе всего общества, понимая их как подсистемы. При этом историчность рассматриваемого объекта обуславливает необходимость конкретизации системного подхода в виде системно-генетического, направленного на изучение процесса архаизации как системы с точки зрения ее развития во времени: с определением момента возникновения, особенностей становления, условий распада (генезис). Вопросы особенностей социального развития в целом рассматриваются на основе положений неозволюционизма, в рамках которого общественная эволюция понимается как процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы поступательного развития. Особое значение для анализа факторов и направленностей социальных процессов имеют сегодня теории модернизации

(осовременивания) обществ, позволяющие обращать внимание на источники, причины этих процессов.

Для анализа взаимосвязи социокультурных процессов в ходе разворачивания архаизации в период социальных трансформаций предполагается исследование ценностно-смыслового содержания социального поведения и общественного развития в целом. Эта задача наиболее полно решается в применении социокультурного и тезаурусного подходов, направленных на раскрытие духовного опыта общества (менталитета, тезауруса) и выявление источников и механизмов социокультурной причинности.

Применение системно-генетического подхода в целом позволяет рассматривать архаизацию общества как объективный процесс. Тезаурусный подход в своей основе (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008) и социокультурный — в определенной степени обращены к субъектной стороне социальных процессов, что представляется противоположным подходом к изучению архаизации. Сложная природа изучаемого объекта, включающего в себя объективные свойства и отношения, с одной стороны, и выявляющего активность субъекта социальной деятельности (т. е. его субъектность), с другой, нуждается в соединении методологических подходов на основе применения общенаучного принципа дополнительности Н. Бора.

В целом, социально-философское обоснование концепции архаизации общества в период социальных трансформаций позволило сформулировать ряд важных выводов в отношении места и роли процесса архаизации в целом в социальной эволюции, специфики архаизации, разворачивающейся в ходе социальных трансформационных процессов традиционных обществ.

Литература:

- Ахиезер А. С. (1997) Россия: критика исторического опыта. Новосибирск.
Ахиезер А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 89–100.
Ачкасов В. А. (1997) «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.
Булдаков В. П. (1997) Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.
Вишневский А. (1998) Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.

- Гудков Л. Д. (2002) Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М. С. 124–147.
- Заславская Т. И. (2003) Социетальная трансформация российского общества. М.
- Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. (1996) Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М.
- Коротаев А. В. (2003) Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.
- Костина А. В. (2011) Массовая культура как феномен постиндустриального общества / 5-е изд. М.
- Ламажаа Ч. К. (2008) «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 121–131.
- Ламажаа Ч. К. (2009а) Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 44–48.
- Ламажаа Ч. К. (2009b) Социальная архаизация постсоветской Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 124–129.
- Ламажаа Ч. К. (2010а) Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 88–93.
- Ламажаа Ч. К. (2010b) Архаика и архаизация общества в период социальных трансформаций (на примере Тувы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 8. Вып. 3. С. 92–97.
- Ламажаа Ч. К. (2010с) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.
- Ламажаа Ч. К. (2010d) Диалог с архаикой (концепция А. С. Ахиезера) // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 92–96.
- Ламажаа Ч. К. (2011а) Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 262–264.
- Ламажаа Ч. К. (2011b) Воспроизводство архаики. Почему? // Человек. № 2. С. 97–103.
- Ламажаа Ч. К. (2011с) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр., доп. СПб.
- Ламажаа Ч. К. (2011d) Проблема политической архаизации Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 108–115.
- Ламажаа Ч. К. (2011е) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : дис. ... д-ра филос. наук. М.
- Лاپин Н. И. (2000) Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.
- Милов Л. В. (1998) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.
- Нечипоренко О. В., Вольский А. Н. (2002) Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск.
- Николаева У. Г. (2005) Vita nuova архаических экономических отношений: Загадки современной российской неформальной экономики. М.
- Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ (2005) / под ред. В. А. Ядова. М.
- Пика А. И. (1996) Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. № 11. С. 47–53.
- Федотова В. Г. (1997) Модернизация «другой Европы». М.

Федотова В. Г. (2009) Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. № 12. С. 3–19.

Флиер А. Я. (2011) Культурогенез // Костина А. В., Флиер А. Я. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М. С. 494–495.

Хачатурян В. М. (2009) «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.

Штомпка П. (1995) Социология социальных изменений. М.

Б. А. Ручкин

ИДЕЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: МОЛОДЕЖЬ И ОБЩЕСТВО (ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ)

Модернизация — важнейшее направление развития России

В очередной раз за последние 20 лет обозначен новый этап в формировании российской экономики и общества. До этого страна пережила радикальные социально-экономические реформы (1990-е годы), стабилизацию новых структур и процессов (первое десятилетие нынешнего века) и теперь вступает в этап модернизации, брошенный в политический оборот Президентом страны.

Само содержание «модернизационного прорыва» раскрывается пока невнятно. Согласно же общепринятому толкованию «модернизация» — это решительное изменение, развитие, совершенствование (Большой Энциклопедический словарь, 1999: 744).

Российское общество активно включилось в обсуждение этой темы. На фоне всех опубликованных докладов особый интерес и общественный резонанс вызвали два: доклад Центра стратегических разработок (ЦСР) «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития» (подготовленный «мозговым центром Белого дома») и доклад Института современного развития (ИНСОП) «Обретение будущего, стратегия — 2012» (подготовленный «мозговым центром Кремля»).

Авторы докладов сошлись в главном: Россия оказалась в критической ситуации. Инерционный характер, которому следовала страна с 2000 по 2008 гг., и который с опереженными коррективами продолжается и в 2011 г., исчерпал себя. Модернизация становится важнейшим направлением развития России, и она не имеет альтернативы.

Разногласие (авторов и, собственно, руководителей государства) касается только темпов ее реализации. «Премьер считает, — отметил

Д. А. Медведев на пресс-конференции в Сколково 18 мая 2011 г., — что это медленный процесс, я считаю, что мы можем провести ее быстрее» (Независимая газета, 2011, 19.05).

В целом модернизация связывается с созданием современного государства с высокотехнологичной экономикой и развитой социальной сферой. Естественно, возникает главный вопрос: вопрос о социальной базе модернизации, о том, кто может стать активным ее участником? Мнения российской общественности разнятся. Прежде всего, нет веры во властвующую элиту, ибо она, по мнению некоторых исследователей, не мотивирована на инновационное развитие и «заинтересована больше всего в сохранении и упрочнении имущественных и властных позиций, приобретенных в 1990-е и последующие годы. Это находит отражение в их устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую исключительно как неизменность сложившихся отношений власти и собственности. Вместе с тем, сама элита неоднородна. «Возможен поиск союзников и в самой бюрократии, — ее дальновидные представители не собираются ждать, когда вернется 1991 год», — отмечает В. Мау, ректор Академии народного хозяйства и государственной службы (цит. по: Галкин, 2010).

Как показывают социологические исследования, в реальности в современной России имеются социальные группы, способные выступить субъектами модернизации. В качестве опоры прогрессивного развития рассматривается та часть общества, которая еще не теряет оптимизма (судя по опросам, 30% верят в лучшее, 41% надеются на стабильность своего положения). Оптимисты — в основном жители больших городов, люди до 40 лет с высшим и неоконченным высшим образованием (из доклада Института философии РАН «От стабилизации к интегрированной модернизации России», цит. по: Егикова, 2011).

Общий вывод можно сформулировать: с разной вероятностью модернистские ценности встречаются в различных социальных группах.

Итак, модернизация: зачем? и с кем?

«Модернизация, — подчеркнул Президент в своем послании ФС РФ 30 ноября 2010 г., — это инструмент, с помощью которого мы сможем решить давно назревшие проблемы в экономике и социальной сфере, поддержать тех, кто в этом более всего нуждается, и создать условия для раскрытия способностей тех, на кого мы очень надеемся, то есть наших детей, нашей молодежи. Ведь модернизация осуществляется прежде всего для них... 26 млн подростков, живущих в нашей стране, должны полноценно развиваться здоровыми и счастливыми, стать ее достойными гражданами» (Российская газета, 2011, 1.12.). Другими словами, молодежь рассматрива-

ется как важный фактор и смысл модернизации нашего общества. Вопрос в том, является ли молодое поколение в реальности той силой, на которую может общество опереться в модернизационном рывке?

Российская молодежь как социальная реальность

Суть проблемы молодежи как специфической социально-демографической группы состоит в том, заметил философ-социолог К. Мангейм в своей книге «Диагноз нашего времени», «что может дать нам молодежь, и что можно ждать от нас молодежи», и далее «молодежь — один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» (Мангейм, 1997: 331, 460).

Анализ проблемы, «что общество дало молодежи», предполагает оценку современного социального положения юношества, тенденций и процессов в молодежной среде и прежде всего демографической ситуации. Точкой отсчета ситуации в молодежной среде берутся 1990-е годы.

1991 и 2011 годы — это целая эпоха для страны.

Анализ начиная с 1991 г. с точки зрения научного подхода имеет для нас сугубо важное значение. Именно в начале 1990-х стал готовиться и в 1993 г. был представлен первый доклад Правительству РФ «Молодежь России: положение, тенденции, перспективы» (Молодежь России, 1993), подготовленный Научно-исследовательским центром (НИЦ) при Институте молодежи под научным руководством директора центра профессора И. М. Ильинского. Основная цель доклада — представить Правительству России обобщенные систематизированные данные о наиболее активном и неоднородной социальной категории населения — о молодежи (там же: 5). Коллектив НИЦ взял на себя ответственность *впервые* комплексно обрисовать положение молодежи, дать общую оценку ситуацию в молодежной среде. Всего в НИЦ было подготовлено 6 докладов (последний в 2002 г.).

С одной стороны, сотрудники НИЦ в этих докладах представляли периодически Правительству РФ картину социального положения молодежи. С другой, как отметил профессор Вал. А. Луков (один из авторов большинства докладов и руководитель докладов 1996, 1998 и 2000 гг.), их особенность состоит в том, что они прямо связаны с реализацией целей государственной молодежной политики. Осмысление данных исследований по проблемам молодежи становились частью обоснования тех или иных действий государства.

В контексте нашей темы подчеркнем, что обобщения и статистические и эмпирические данные докладов позволяют нам провести сравнительный анализ по схеме «10 + 10»: десять лет разрушения и десять лет созидания.

Демографические процессы

Знание изменений в количественном и качественном составе молодежи важно: в экономическом плане (для определения объема трудовых ресурсов, занятости); в социальном аспекте (прогнозирование политики в области образования, здравоохранения, семьи); в политическом (предпочтение политическим партиям и, следовательно, их ориентациям и поведению на выборах).

Изменения численности возрастной группы 15–29 лет напрямую связываются с динамикой численности всего населения. Численность населения России в рассматриваемый период достигла максимума в 1991 г. — 148,5 млн человек, затем начала снижаться: 2001 г. — 146,3 млн и в октябре 2010 г. составила 142,9 млн человек. Итого за 20 последних лет Россия потеряла 5,6 млн человек (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2011). Население России продолжало уменьшаться, но не так быстро, как в 1990-е годы.

Что касается молодежи, в 1989 г. численность молодежи в России (15–29 лет) составила 32 279 тыс. человек. По сравнению с предыдущей переписью 1979 г. количество молодежи уменьшилось более чем на 5 млн человек — 14,6% (Молодежь России, 1992: 5). По данным Госкомстата РФ, на начало 1991 г. численность молодежи составила 32 017 тыс. человек, в 1995 г. — 30 442 тыс. человек (20,6% численности населения России), в 2000 г. — 33 879, в 2009 г. — 33 009 (23,3%). То есть с 1991 г. произошло увеличение на 1 млн человек (Молодежь России, 2010: 9). Формально выглядит хорошо. Вместе с тем здесь не все однозначно.

Размеры молодежной группы и ее доля во всем населении определяется тремя основными демографическими факторами: рождаемостью, смертностью и миграцией, так как молодежь — наиболее мобильная часть населения, меняющая место жительства из-за учебы, поиска работы, вступления в брак.

О миграции

Увеличение молодого поколения на 1 млн во многом связано с миграцией середины 1990-х годов и их продолжающимися потоками в 2000-х годах. Миграция молодежи в начале 1990-х годов была следствием «суверенизации» государств и этнических конфликтов в СНГ. Фактически иммиграция из-за рубежа представляла собой бегство русских и представителей некоренных национальностей от невыносимых условий, созданных для них в этих странах, от опасности международных конфликтов. Последний фактор, согласно опросу Научно-исследовательского Центра Института молодежи в 10 республиках бывшего Союза (ноябрь 1991 г.), занимал первое место (60%). Было опрошено 2 230 молодых людей. Массив опрошенных распределился так: Москва и Московская область — 27,2%, другие области России — 24,5%, Азербайджан — 8,2% и т. д.

Миграционные процессы набирали силу. 15 декабря 1992 г., по данным МВД, в России числились 222 482 беженца, из них армян — 47 693, азербайджанцев — 7 428, турок-месхетинцев — 48 710, русских — 43 481. В сентябре 1992 г. в России находилось 400 тыс. беженцев и около 700 тысяч переселенцев из стран ближнего зарубежья (Молодежь России, 1993: 134).

Масштабы миграции в 1996 г. сократились в сравнении с 1994 г. — в 1,8 раза, с 1995 г. — в 1,3 раза). Тем не менее число беженцев и вынужденных переселенцев в России был значительным: на 1 января 1997 г. насчитывалось 1 млн 447 тысяч человек, примерно пятую часть их них составляла молодежь от 18 до 30 лет (Положение молодежи в РФ и государственная молодежная политика, 1998: 33). В 1998 г. 42,9% всех прибывших в Россию составляли молодые люди от 14 до 29 лет.

В последнее десятилетие миграционный приток среди молодежи выглядит таким образом.

В 2005 г. прибыло мигрантов в возрасте 15–29 лет 52 700, в 2007 г. — 94 318, в 2009 г. — 100 429 человек. Доля молодежи в возрасте 15–29 лет в общем числе мигрантов составила 36,4% (Молодежь России, 2010: 27).

Поток миграционного прироста в ближайшее время будет продолжен. Этому способствует с одной стороны то обстоятельство, что бизнесменам выгодно иметь дешевую рабочую силу, с другой стороны, в бывших республиках Союза сложилась ситуация, которая реально не позволяет большому количеству людей надеяться на какие-то успехи на Родине — и они рвутся в Россию. Заинтересованность с двух сторон.

По мнению бизнеса, для выполнения планов, которые заявлены в стратегии экономического развития, стране неизбежно потребуется почти двукратное увеличение объема привлечения трудовых мигрантов.

Пока Правительство утвердило квоты на применение иностранной рабочей силы в 2012 г., по которой въезд разрешат для 1,74 млн человек. Соответственно, будет возрасти приток молодежи.

Но самое главное — трудовые мигранты, в том числе молодые, не являются потенциалом для модернизации России.

Как говорилось выше, въезд разрешат для 1,74 млн человек. Но из них: 1 млн — неквалифицированная рабочая сила и только 20 тыс. инженеров и ученых (Комсомольская правда, 2011, 11: 3). К тому же, у мигрантов довольно низкий образовательный уровень.

В условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодежь призвана выступать проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Однако, как отмечается в стратегии государственной молодежной политики в РФ (утверждена распоряжением Правительства РФ от 18.XII. 2006), 35% молодых людей в возрасте 18–35 лет испытывают раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51% одобрили бы решение о высылке из предела региона некоторых национальных групп. Словом, миграционные процессы таят в себе немалую угрозу относительно социальной стабильности в России и ведут к качественной деградации трудовых ресурсов.

Это понимается властью, и ныне ставится задача «на порядок повысить качество миграционной политики». В частности, речь идет о том, что иностранные рабочие до прибытия в нашу страну должны выдержать специальный отбор — пройти обучение в центрах домиграционной подготовки, сдать экзамены на знание русского языка, законов и традиций России. При этом приоритеты благоприятствования в миграционной политике предполагается в пользу квалификации, компетентности, культурной и поведенческой совместимости (Путин, 2012: 4).

Введение миграционных потоков в нормальное русло прямо отвечает задачам создания новой эффективной экономики и эффективной занятости населения молодежи.

О внешней миграции молодежи из РФ

Чувство незащищенности в 1990-х годах заставляло каждого десятого молодого человека в России искать разрешение своих личных эко-

номических проблем путем эмиграции. Эмигрантским настроением, по данным опроса НИЦ в 1991 г., были подвержены активные слои населения: молодые в возрасте 18–30 лет (29%), служащие с высшим образованием, предприниматели.

В целом выехали за границу на постоянное место жительства из России: в 1989 г. — 47 521 чел., в 1990 г. — 103 609 чел., в 1991 г. — 90 000 чел. (Молодежь России, 1993: 52). В последнее десятилетие отток продолжается. Всего выбыло за пределы страны из граждан России (15–29 лет): в 2005 г. — 20 524 чел., в 2007 г. — 13 578 чел., в 2009 г. — 8 845 человек. Определяющими мотивами отъезда молодых людей является высокое качество жизни, ради которого следует много и упорно, изобретательно работать, и условия его обеспечения (обобщенно по опросам ВЦИОМ, Левада-центра, фонда «Общественное мнение»).

Среди молодежи настроение уехать учиться или работать за границу остается существенным. Например, среди городской молодежи (опрос 2006 г.) на вопрос: Хотели бы Вы уехать за границу? — отвечали «да»: 48%, «навсегда»: 23%. В мае 2011 г. соответствующие цифры выглядят так: те же 48%, «навсегда»: 28% (Гудков, 2011: 17). Иначе говоря, налицо довольно массовое настроение среди молодежи. Но главное, как подчеркивается в исследованиях и с чем нельзя не согласиться, — эффект реального ежегодного выезда оборачивается снижением морального и интеллектуального потенциала.

Отрадно, что впервые за 15 лет власть обратилась к вопросу о возможности возвращения «утекших умов», использования потенциала русской научной диаспоры. Принят ряд конкретных мер, среди них — принятие Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», отдельным пунктом которой является позиция 1.5. — «проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей». Согласно этому пункту: на конкурсной основе ежегодно (в течение 3-х лет) поддержку получают сто проектов диаспоры, с обязательным участием в исследовании как минимум одного кандидата наук, одного аспиранта и двух студентов. И пребыванием руководителя в России в течение 2-х месяцев в год. С этой целью из бюджета выделяется 1,6 миллиарда рублей. Прогнозы по поводу эффективности программы неоднозначны. Понятно, что возвращение — постоянное или временное — во многом будет обусловлено притягательностью России для диаспоры с культурной и социальной течек зрения. В целом, процесс возвращения русских на родину приостановился, а процесс эмиграции на Запад остается значительным.

О рождаемости

Уровень рождаемости и абсолютных ежегодных рождений наиболее сложно влияет на численность населения. По данным Госкомстата, при современном уровне смертности на одну женщину в течении жизни должно приходиться не менее 2,15–2,17 рождений.

В 1992 г. у горожан коэффициент рождаемости составлял 1,54 (Москва — 1,29; Санкт-Петербург — 1,25). В 53 территориях России не обеспечилось простое воспроизводство населения.

Неблагоприятная демографическая ситуация первой половины 90-х годов, по утверждению в кругах специалистов, связана с общей кризисной обстановкой в стране. В последнее десятилетия ситуация несколько улучшилась.

Суммарный коэффициент, по оценке демографов, в 2010 г. составил 1,59 родившихся на семью (1992 — 1,54), т. е. не достиг 2,15 рождений, необходимых для простого численного замещения поколений родителей их детьми.

В результате доля населения в возрасте до 18 лет в общей численности россиян за 2005–2009 годы уменьшилась с 20,3% до 18,3% (Куликов, 2911: 4). Такая тенденция сопровождается структурными изменениями детского населения: удельный вес дошкольников постепенно увеличивается, тогда как доля детей школьного возраста продолжает падать.

О смертности

Смертность — фактор, имеющий как отдаленные, так и ближайшие последствия для численности молодежной группы. В России (как и во всем мире) во всех возрастах показатели смертности у мужчин выше, чем у женщин. В 1990-е годы это явление в нашей стране было выражено особенно ярко: в возрасте 15–29 лет смертность у мужчин в 4 раза превышала смертность женщин, как в городе, так и в селе. Процесс одновременного снижения рождаемости и смертности в России существенно меняет возрастную структуру населения. Население России стареет. Доля молодежи в населении России имеет тенденцию к снижению.

В 1991 г. средний возраст населения составляет 34,8 лет, в 2002 г. — 37,7 лет, в 2010 г. — 39 лет (Итоги переписи населения в 2010 года, 2011: 4).

Одни из самых неутешительных цифр для России приведены в докладе «Глобальное исследование убийств — 2011», подготовленном

управлением ООН по наркотикам и преступности. В нашей стране в 2009 г. совершено 15 954 убийства, или 11,2 убийства на 100 тысяч населения (для сравнения в США за этот же год 5 убийств на 100 тысяч населения). И главный вывод доклада, что в группе риска прежде всего молодежь: показатель убийств в три раза больше на 100 тысяч населения (http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf).

Россия вышла на одно из первых мест в мире по количеству самоубийств на 100 тысяч населения, в том числе и по молодежи. Показатели по самоубийствам в среднем в 4 раза превышают уровень показателей в Европейских странах (Молодежь в России, 2010: 60).

В целом, основные причины смертности связаны с низким уровнем здоровья беременных и кормящих матерей (если в 1990 г. доля детей, родившихся больными, составляла 15%, то через 20 лет — около 40%); влияние внешних факторов: алкоголизм, наркомания, убийства и все виды несчастных случаев.

О здоровье

В России прослеживается тенденция к ухудшению состояния здоровья молодежи и детей в течении всего периода реформирования. В мае 1992 г. на совместном заседании коллегий Минздрава и Минобразования было отмечено, что лишь 14% детей в России практически здоровы, 50% имеют отклонения в здоровье, а 35% хронически больные (Молодежь России, 1993: 14).

На заседании Совета по реализации нацпроектов 19 января 2010 г. в своем докладе глава Минздрасоцразвития Т. Голикова отметила, что среди 13,62 млн детей, обучающихся в школах, только 21,4% имеют первую группу здоровья, причем уровень состояния здоровья современных первоклассников значительно хуже, чем среди их сверстников конца прошлого века, — абсолютно здоровых детей всего 4,3% против 8,7% в конце 1990-х годов (Комсомольская правда, 2010, 20.01.: 2).

В целом, по мнению экспертов, никакой системности в государственном подходе к здравоохранению нет. Усугубляет системный кризис хроническое недофинансирование. В 1990 г. на здравоохранение тратили менее 4% от ВВП, практически столько же в 2010 г., по плану же бюджетных расходов до 2014 г. предусматривается снижение затрат до 3,3% ВВП (Кузнецова, 2011: 3). Всемирная организация здравоохранения рекомендует минимум 5% ВВП.

В открытом письме, направленном оргкомитетом VIII Всероссийского Пироговского съезда врачей 27 октября 2011 г. Президенту, премьер-министру, констатируется, что в течение 20 лет в стране углубляется кризис общественного здоровья и здравоохранения. Многие показатели здоровья населения подошли вплотную к нижней границе управляемости. По мнению делегатов съезда, демографическая ситуация и состояние здоровья населения РФ не улучшаются, несмотря на увеличение государственного финансирования (Независимая газета, 2011, 28.19.: 2).

По каждому направлению (здоровье, смертность, рождаемость и т. д.) можно привести и далее много разных примеров и цифр. Но не ставится задача наращивать статистику, социологические данные. Вопрос стоит шире: что это все значит, если связать понятие «молодежь» и «демографическая ситуация». Вывод крайне тревожный: происходит уменьшение численности молодежи, как главное следствие названных демографических процессов, что имеет многочисленные социальные последствия, среди которых выделим главное — сокращение инновационного потенциала, столь необходимого для осуществления и модернизационного прорыва в стране.

Сам демографический кризис по сравнению с 1990-ми годами, если и отступил от края демографической ямы (Путин, 2011: 3), но не более того, он никуда не делся.

Согласно переписи населения 2010 г., в течение «стабильных» лет начала века население России сокращается быстрее, чем во время 1990-х годов. Идет сокращение численности возрастной группы 15–19 лет: если в 2000 г. в России было 12,2 млн, то в 2010 — 8,5 млн. Общество стареет (свыше 17% населения старше 65 лет), средний возраст населения составил 39 лет, в 1991 г. — 34,8 лет. Новое поколение детей и молодежи все слабее и все болезненнее. Смертность превышала рождаемость в стране и в 1990-е годы, и в первое десятилетие 2000-х годов. Разница в том, что в 1990-е годы поток русскоязычных мигрантов компенсировал отрицательный естественный прирост на 80%, а в 2000-е годы компенсация убыли за счет мигрантов составляла 20%. Не создает условия для прироста населения и половозрастная структура (женщин на 10,7 млн больше, чем мужчин).

Прогноз Росстата предполагает сокращение населения к 2030 г. примерно до 128 млн человек (2010 г. — 142,8 млн).

Наша столь нерадостная картина подкрепляется не менее пессимистическими прогнозами о демографической ситуации в России со

стороны иностранных исследователей. Согласно докладу ученых Берлинского института населения и развития (доклад представлен 31 октября 2011 г. в Московском центре Карнеги), население России к 2030 г. сократится на 15 млн человек, и составит 125 млн человек. Как пишут авторы доклада, к 2030 г. заметно изменится возрастная структура: в стране будет меньше детей, меньше здоровых работников и больше стариков. Главные причины убыли трудоспособного населения, прежде всего мужчин, — это высокая смертность от сердечнососудистых заболеваний, а также от болезней и несчастных случаев, связанных со злоупотреблением алкоголя (Независимая газета, 2011, 1.11.: 1, 4). По расчетам мировой службы Би-би-си, ныне каждый час в России рождаются 186 человек, а умирает 233, но при этом на 26 человек увеличивается число иммигрантов, к нам приезжающих. В остатке — ежегодное сокращение населения при возрастающей численности нерусских (Воскобойников, 2011). Заметим, что наши эксперты (С. Захаров, зам. директора Института демографии Высшей школы экономики; И. Белобородов — директор Института демографических исследований) считают: расчеты иностранных ученых весьма близки к истине (Комсомольская правда, 2011, 27.10.).

Демографические процессы носят объективный характер и трудноуправляемы, разрешение этого противоречия лежит в сфере политических действий власти, направленных на повышение социального самочувствия граждан России. Власть это понимает, и подтверждение тому — заявление В. В. Путина на съезде «Единой России» 17 ноября 2011 г. о том, что «основополагающий принцип намеченных преобразований и реформ — беречь людей, а значит сохранять, беречь будущее России, создавать будущее России. Нам нужно обеспечить не только прирост численности населения страны, но повышение качества человеческого потенциала» (Российская газета, 2011, 28.11.: 3).

Это и есть предмет молодежной государственной политики, которая должна отражать как общие потребности всей молодежи, так и потребности ее различных социальных групп с целью вовлечения инновационного потенциала юношества в реализацию программы модернизации общества.

Литература:

- Большой Энциклопедический словарь (1999) / 2-е изд. М., СПб. : Норинт.
Галкин А. Н. (2010) Проблемные узлы инновационного развития России // Полития. № 1.

- Егикова В. (2011) Зеркала в параллельных мирах // Московская правда.
- Мангейм К. (1997) Диагноз нашего времени. М.
- Молодежь России (1993): положение, тенденции, перспективы (Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи). М.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (2011) // Российская газета. 16.12.
- Молодежь России (1992): Статистический сборник. М.
- Положение молодежи в РФ и государственная молодежная политика (1998): Государственный доклад. М.
- Комсомольская правда. 2011. № 11.
- Путин В. В. (2012) Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.
- Молодежь России (1993): положение, тенденции, перспективы. М.
- Гудков Л. (2011) Пустая страна. Совместный проект «Новой» и Левада-центра // Новая газета. 11.07.
- Молодежь России (2010) 2010. Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М., НИЦ «Статистика России».
- Куликов С. (2011) Растет детская заболеваемость, сиротство и бедность // Независимая газета. 25.11.
- Итоги переписи населения в 2010 года (2011) // Российская газета. 16.12.
- Кузнецова Е. (2011) Россия опасна для вашего здоровья // Московский комсомолец. 4.10.
- Путин В. В. (2011) Выступление на съезде «Единой России» // Российская газета. 28.11.
- Воскобойников Д. (2011) Прирастая безнадегой // Комсомольская правда. 7.11.
- Комсомольская правда. 2010, 20.01.
- Независимая газета, 2011, 19.05.
- Комсомольская правда. 2011, 27.10.
- Независимая газета. 2011. 28.10.
- Независимая газета. 2011, 1.11.
- Российская газета. 2011, 28.11.
- Российская газета. 2010, 1.12.
- 2011 Global Study on Homicide: Trends, Contexts, Data. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf

АВТОРЫ

Ламажжаа Чимиза Кудер-ооловна — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат философских наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Луков Валерий Андреевич — проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Русского отделения Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Луков Владимир Андреевич — директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Секции гуманитарных наук Русского отделения Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Ручкин Борис Александрович — директор Центра исторических исследований Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор исторических наук, профессор

Юдин Борис Григорьевич — заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Луков Вал. А., Луков Вл. А. Идея тезаурусов.....</i>	<i>3</i>
<i>Юдин Б. Г. Идея пограничной ситуации.....</i>	<i>20</i>
<i>Луков Вал. А. Идея биосоциологии.....</i>	<i>38</i>
<i>Ламажаа Ч. К. Идея архаизации.....</i>	<i>56</i>
<i>Ручкин Б. А. Идея модернизации: молодежь и общество (демографическая ситуация).....</i>	<i>69</i>

Научное издание

ИННОВАЦИИ В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ

**Материалы конференции
Института фундаментальных и прикладных исследова-
ний
Московского гуманитарного университета
16–17 февраля 2012 года**

Сборник научных трудов

*Под редакцией
доктора философских наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вал. А. Лукова,
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вл. А. Лукова*

Издательство Московского гуманитарного университета
Печатно-множительное бюро
Подписано в печать 16.02.2012 г. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 5,25
Тираж 100 Заказ №
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1